

Национальная апперцепция.¹⁾

„Мы представляем себе нацию не как нечто застывшее, раз навсегда данное, а как непрерывный процесс образования; в основе же этого процесса лежат те условия, при которых люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода“.... „Нация есть историческое в нас“.... „Национальный характер индивидуума это — скристаллизовавшаяся история (erstarrte Geschichte)“.... „Национальный характер уже не выступает перед нами, как самостоятельная сила, раз мы понимаем его, как осадок истории, изменяющийся с каждым новым событием, пережитым нацией“²⁾.

Полагая в основу национального своеобразия понятие *национального характера*, Бауэр в то же время подчеркивает, что „национальный характер изменчив“, и весьма решительно выступает против *фетишизма* национального характера, против попыток объяснить историю неизменным национальным характером:

„Часто пытались «национальным характером» объяснять определенный образ действия какой-нибудь нации; например, быструю смену конституций во Франции объясняли тем, что французы, как утверждал еще Цезарь относительно их галльских предков, всегда „стремятся к новшествам“. Но очевидно, что таким способом дается вовсе не объяснение причинной зависимости известных явлений, а лишь обобщение некоторых конкретных черт. Историк, спустя девятнадцать столетий, наблюдает быструю смену конституционных форм во Франции и вспоминает при этом суждение Цезаря, что галлы всегда стремились к новшествам. Почему же именно галлы стремились к новшествам, почему же именно французы быстро меняли свои конституции,—этим, конечно, отнюдь не объяснено. Попытка объяснить какое-нибудь действие национальным характером,—способ мышления и направление воли еврей еврейским национальным характером,—покоится на логической ошибке. *Национальный характер ничего не объясняет, он сам по себе должен быть объяснен*“.³⁾

Бауэр видит, таким образом, в нации не изначальную, извечную сущность, а продукт истории, *историческую категорию*. И как раз те отделы его исследования, в которых он изображает процесс исторического становления немецкой нации, являются наиболее блестящими.

Но все же, если глубже вникнуть в концепцию Бауэра, то нетрудно убедиться, что его разрушительная критика национальной метафизики идет не дальше, чем столь же разрушительный, на первый взгляд, критицизм его философского учителя Канта по отношению к метафизике вообще. Кант изгнал метафизику в дверь, чтобы затем выпустить ее в окно,⁴⁾ и то же случилось с Бауэром. В самом деле, при всем изменении

¹⁾ См. вводную главу того же исследования в № 2 „Науки на Украине“.

²⁾ Otto Bauer: „Die nationale Frage u. die Sozialdemokratie“ в изд. „Marx-Studien“, Wien; „Национальный вопрос и социал-демократия“, пер. М. С. Панина под ред. Х. Житловского, СПб. 1909 г., и „Национальный вопрос и социал-демократия“, в изложении и со вступительной статьей С. Семковского, изд. „Книга“, 1918 г., § 10 „Понятие нации“.

³⁾ О. Бауэр, *op. cit.*, § 1: „Национальный характер“.

⁴⁾ „Наша борьба с догматизмом вовсе не благоприятствует... скептицизму, который с легким сердцем отрицает метафизику совсем; скорее, наоборот, наша критика есть необходимое предварительное условие для развития основательной метафизики, как науки, которая необходимо должна быть построена догматически и в высшей степени систематически“. И м. К а н т: „Критика чистого разума“, предисловие ко II изд. 1787 г. (По VI нем. изд. Кирхмана, стр. 39; по русскому переводу Н. Лосского, СПб. 1907 г., стр. 20).

исторических форм национальной общности, по мысли Бауэра, самая группировка человечества по нациям остается на всем предвидимом протяжении истории. Более того, в социалистическом обществе будущего, учит Бауэр, впервые только развернется настоящим образом *дифференциация национальностей*, „более резкое разграничение их характеров, более отчетливая выработка их коллективных индивидуальностей“. Социалистический способ производства „укрепляет национальное самосознание масс“; социализмом „подготавливается лишь почва для торжества принципа национальности“. И даже мировую организацию производства Бауэр мыслит себе не иначе, как расчлененной по нациям: „маленькие нации употребят свою рабочую силу для производства одной или нескольких категорий благ, получая в обмен продукт других наций“.¹⁾

К таким выводам Бауэр приходит на основе того факта, что приобщение народных масс к культуре,—а это приобщение несет с собой уже и капитализм, но мощно двинет вперед только социализм,—на первых порах возможно лишь в форме приобщения этих масс к *национальной культуре*, которая таким образом в социалистическом обществе, когда вся толща народа будет втянута в культурную жизнь, испытает небывалый расцвет.

Но не разворачивается ли уже на наших глазах другой процесс—*интернационализации культуры*, растворения обособленных национальных культур в единой культуре человечества? И не ведет ли этот процесс, по тем тенденциям, которые мы уже в настоящее время можем вскрыть, к устранению национальных перегородок, к преодолению нации, как исторически-преходящей формы в развитии человечества?

Бауэр, конечно, не может отрицать *унитаризирующих тенденций*, которые с такой яркостью и с такой силой нарастания темпа выступают в развитии всей современной культуры.²⁾ Он признает безоговорочно, что материальное содержание различных национальных культур все более *уравнивается*, и что эта „космополитическая тенденция“ нашей культуры, которую социализм должен будет еще тысячекратно усилить, захватывает и технику, и право, и науку, и даже искусство, т. е., вообще говоря, все, что составляет существенное содержание не только нашей материальной, но и духовной культуры.

Каким же образом это *все возрастающее уравнивание национальных культур* может означать—как это постулирует Бауэр—*растущую дифференциацию культур наций*?

Ответ на это должна дать нам теория так называемой *национальной апперцепции*, которая в действительности является тем краеугольным камнем всего построения Бауэра, с которым это последнее, по немецкому выражению, стоит и падает. Вот почему теория национальной апперцепции должна быть подвергнута особенно внимательному рассмотрению.

Национальная апперцепция. Бауэр дает такой наглядный пример. Возьмем двух, совершенно различных по происхождению, воспитанию, чувству, уровню и характеру знаний, индивидуумов, и пусть они предпримут совместное путешествие, в котором будут подвергаться одинаковым влияниям, испытывать одинаковые впечатления. Они будут видеть одни и те же ландшафты, рассматривать

¹⁾ Бауэр, *op. cit.*, § 9: „Осуществление национальной культурной общности в социалистическом обществе“.

²⁾ Анализ тенденций развития, ведущих к созданию мировой культуры, будет посвящено особое рассмотрение.

одни и те же культурные памятники, им будут попадаться одни и те же вещи. Содержание сознания полученных представлений будет одно и то же у обоих путешественников. Но стали ли они от этого одинаковыми людьми? Конечно, нет. Ибо, подобно тому, как человеческий организм не просто воспринимает физическое питание, а перерабатывает и переваривает его, так и новое представление не воспринимается человеческим сознанием в неизмененном виде, а перерабатывается им, переваривается и усваивается:—оно *апперцепируется*.

Таким образом, хотя оба путешественника и видят одни и те же вещи и получают одни и те же представления, но так как сознание обоих совершенно по разному перерабатывает полученные представления, каждый из них научится в этом путешествии кое-чему другому, каждый по иному отметит себе виденные вещи, на каждого иначе повлияют одни и те же представления. Пусть почти тождественно по своему содержанию то количество представлений, которым обогатился запас знаний обоих, но по своему влиянию на общее сознание, на их мышление, чувствование и хотение оно будет совершенно различно.

Подобным же образом обстоит дело в том случае, когда одно и то же культурное содержание воспринимается различными нациями...¹⁾

И продолжая тот же ход мысли, Бауэр дальше говорит:

„Подобно тому, как индивидуум не просто, не механически воспринимает что-нибудь новое, а вводит его в состав своего духовного бытия, делает его частью своей личности, усваивает его всем своим духовным „я“, его апперцепирует, так и целая нация ничего нового не воспримет механически, а приспособит его ко всему своему бытию, изменит, переработает его в процессе восприятия миллионами голов. Благодаря этому великому факту *национальной апперцепции*, ни одна мысль, заимствуемая одной нацией у другой, не будет воспринята прежде, чем она не будет переработана, приспособлена ко всему национальному бытию.“²⁾

Таким образом, и в будущем социалистическом обществе новые элементы духовной культуры найдут себе доступ к какой-нибудь нации не иначе, как растворив и претворив себя во всей ее национальной культуре. В результате—*„растущая дифференциация духовной культуры наций, несмотря на уравнение материального содержания национальных культур“*.³⁾

Логика этой аргументации как будто бы неотразима и находит свое полное подтверждение в общеизвестных явлениях культурной жизни. Однакоже, нетрудно показать, что она построена на смешении бесспорных фактов с совершенно неправомерным выводами из них.

Критика теории национальной апперцепции.

Два человека, немец и англичанин, сообщая совершают одну и ту же поездку. Оба путешественника получают одинаковые по содержанию восприятия, но каждый *по-своему* переварит и усво-

¹⁾ Бауэр приводит этот пример (в отделе, посвященном возникновению и развитию национальной культурной общности от эпохи родового коммунизма до современного капитализма, §§ 3—8) в объяснение своеобразия немецких рыцарских нравов, несмотря на позаимствование их немцами, главным образом, у французского рыцарства.

²⁾ О. Бауэр, *op. cit.*, § 9.

³⁾ О. Бауэр, *ibidem*.

ит, апперципирует полученные впечатления,—и в результате духовный мир каждого обогатится не одинаковыми, а *различно-окрашенными* элементами; в результате—различия между нашими путешественниками еще возрастут. Так и при восприятии разными нациями—английской и немецкой—одних и тех же по содержанию культурных ценностей, *различия* между этими нациями будут не уменьшаться, а *возрастать*.

Но разве не парадокс это, что чем больше *общих* впечатлений будут получать оба путешественника, тем более *различными* будут они становиться, и пропутешествовав, скажем, не день, а всю жизнь вместе, вернутся еще более „отдифференцированными“ друг от друга, чем до начала долгой полосы совместных переживаний? И парадокс этот опровергается уже обыденным опытом, который учит, что общая обстановка накладывает на людей *одинаковый* отпечаток. Конечно, немец апперципирует „по-немецки“, англичанин—„по-английски“; но одинаковые жизненные условия, длительно действуя, одинаковые внешние впечатления, все повторяясь, влияют и на различно воспринимавшие первоначально аппараты в одном и том же направлении, постепенно *уравнивая, следовательно, и самую их апперцепцию*.

Ведь сам Бауэр дал яркое изображение и объяснение исторического процесса консолидации германских племен, с их различными племенными характерами, провинциальными культурами и диалектами, в *единую* немецкую нацию. Как мыслим был бы этот процесс, если бы действие апперцепции было таково именно, как его изображает Бауэр? У сакса была своя „саксонская“ апперцепция, у баварца—своя „баварская“, и сколько бы на того и другого ни действовала общность исторической судьбы, она должна бы, по теории Бауэра, обогащать духовный мир каждого *различно-окрашенными* элементами, создавая *все растущую дифференциацию племен*. И, однакоже, провинциально-племенные апперцепции не смогли помешать консолидации единой немецкой нации, внутри которой сила племенных группировок, если еще и сохраняется, то все более и более ослабевает.

Бауэровская теория национальной апперцепции оказывается, таким образом, уже при первом прикосновении критики, в противоречии с опытно-данными фактами. И причина этого кроется в ошибочности всей концепции, которая имеет своей логической предпосылкой вовсе не ту *эмпирическую* апперцепцию, с которой имеет дело психология, как наука, а по сути дела *трансцендентальную* апперцепцию, лежащую в основе учения Канта о чистом разуме, который формирует весь опытный мир, но сам по отношению к этому опытному миру сохраняет свою формальную независимость.

Термин *апперцепция*, сыгравший затем, в своем эмпирическом употреблении, такую плодотворную роль в развитии современной психологии, был введен впервые, насколько мы знаем, Лейбницем.

В „Началах природы и благодати, основанных на разуме“¹⁾ Лейбниц в том самом параграфе, где он выступает против „вредного учения некоторых мнимых умников, оспаривающих бессмертие нашей души“, устанавливает следующее различие между „перцепцией“ и „апперцепцией“:

¹⁾ „Principes de la nature et de la grâce, fondés en rais on“, опубликовано впервые в 1718 г. в журнале „L' Europe savante“, написано, вероятно, в 1714 г. (для принца Евгения Савойского); русский перевод в „Трудах Московского Психологического Общества“, выпуск IV.

„Следует делать различие между *восприятием*—*перцепцией*, которое есть внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи, и *апперцепцией*—*сознанием*, или рефлексивным познанием этого внутреннего состояния, каковое дано не всем душам, да и у одной и той же души бывает не всегда“.

Это же противопоставление Лейбниц повторяет в „*Монадологии*“.¹⁾ Все монады имеют одинаковые перцепции, как смутные восприятия или, вернее, представления, но они отличаются одна от другой степенью ясности и отчетливости этих представлений. Низшие монады, из которых состоит материя, тоже отражают в своих представлениях вселенную: каждая монада—зеркало (*miroir*) вселенной. Но у низших монад эти представления до того смутны, что ими самими не осознаются. Напротив, Бог, как высшая всеведущая средоточная монада, имеет отчетливое познание всего. Развитие монад идет к тому, чтобы смутные перцепции довести до отчетливой апперцепции, т. е. прийти до полной ясности в представлениях.

Под апперцепцией, следовательно, Лейбниц понимает сознательное усвоение содержания представлений. Этот элемент *активности*, присущий душе, Лейбниц противопоставляет учению Локка о душе, как *tabula rasa*.²⁾ В направленных против локковского „Опыта о человеческом рассудке“—„Новых опытах о человеческом рассудке“³⁾ Лейбниц говорит:

„Наши разногласия касаются довольно важных предметов. Дело идет о том, действительно ли душа сама по себе совершенно пуста, как доска, на которой еще ничего не написано (*tabula rasa*), как это думают Аристотель⁴⁾ и автор Опыта,—и что все, что на ней начертано происходит единственно из чувств и из опыта, или душа искони содержит в себе начала различных понятий и положений, которые только пробуждаются при случае внешними объектами, как это думаю я, вместе с Платоном, схоластикой и всеми, принимающими в этом смысле то место у св. Павла (Рим., II, 15), где он замечает, что закон Бога написан в сердцах?“⁵⁾

В другом месте тех же „*Nouveaux essais*“ Лейбниц вопрошает: почему же непременно все приобретено нами путем восприятий внешних вещей и почему ничего не может быть открыто в нас самих? неужели же наша душа сама по себе так пуста, что без заимствованных извне образов не составляет ровно ничего? да и где найти такую доску, которая не представляла бы в себе никакого разнообразия? видел ли кто-нибудь совершенно ровную и однообразную поверхность?..

И показав, что и Локк, в сущности, принимает два источника познания: чувства, ощущения (*sensation*) и рефлексия (*réflexion*), как сознание духом собственных его действий, Лейбниц к основному локковскому положению: „*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*“ прибавляет опрокидывающую все это положение поправку: „*nisi intellectus ipse*“.

1) „*Monadologie*“, § 14 и след.

2) Образ „доски“ находится уже у Аристотеля (*De anima* III, с. 4), но в несколько ином, чем у Локка, смысле: „*tabula, in qua nihil est actu scriptum*“, что не исключает присущей доске „возможности“—в смысле аристотелевского противопоставления возможности действительности—принять на себя те или иные письмена.

3) „*Nouveaux essais sur l'entendement humain*“.

4) См. наше примечание выше.

5) *Op. cit.*, предисловие.

Этот спор, происходивший на рубеже XVII и XVIII веков,¹⁾ содержит в себе ту основную контрверзу, которая нас занимает. Над наивным во многих пунктах сенсуализмом Локка Лейбниц мог легко торжествовать победу. Разумеется, уже ребенок в момент рождения не есть *tabula rasa*, а вступает в мир, по крайней мере, с отчасти уже готовым воспринимающим и познавательным аппаратом, в котором кульминирует неизмеримо-долгий процесс культурного, органического и до органического развития, уходящий своими корнями в тьму веков. И ясно, что „душа“ ребенка не есть просто „белая бумага“, пассивно принимающая письма, наносимые на нее внешним миром, а активный *апперцепирующий аппарат*, неизбежно приносящий нечто от себя в каждый акт опыта и, следовательно, накладывающий также свою печать на каждое восприятие.

Что, таким образом, познание наше определяется не только внешним предметом, но и познавательным аппаратом,—это бесспорно. Но плоскость действительного спора лежит глубже: есть-ли достаточные основания *самый этот познавательный аппарат*, как *до-и сверх-опытный*, как *априорный и трансцендентальный*, *вырывать из общей связи окружающего мира*, или же надо признать, что и сам субъект, само *апперцепирующее „я“*, *входит в общую цепь природы*, которая в общем порядке причинности, связывающей все вещи этого мира, *формирует и наше „я“ и соответственно изменяет самую его апперцепцию?*

В этом, а не в чем ином заключается действительное ядро спора между Лейбницем и Локком или, более обще беря, исторической тяжбы между материализмом и эмпиризмом, с одной стороны, идеализмом и метафизикой—с другой. Недаром, непосредственно вслед за цитированной только что формулировкой основного разногласия о „*tabula rasa*“, Лейбниц говорит:

„Отсюда возникает другой вопрос, а именно: все ли истины *зависят от опыта*, т. е. от индукции или отдельных фактов, или есть такие, которые имеют *иное основание?* В самом деле, если какие-нибудь события можно предвидеть *ранее всякого сделанного опыта*, то очевидно, что в данном случае мы приносим нечто от себя“.

И далее: „Отсюда следует, что необходимые истины, как они существуют в чистой математике и в частности в арифметике и геометрии, должны опираться на такие начала, доказательство которых *вовсе не зависит от частных фактов*, а следовательно и от показаний чувств, хотя с другой стороны, не будь чувств, нам никогда не пришло бы в голову думать об этих истинах“.²⁾

Трансцендентальная К этому кругу идей непосредственно примыкает и критический идеализм Канта. Под чистым разумом он понимает разум, независимый от всякого опыта. Этот чистый разум, через априорные формы чувственности—пространство и время—и априорные понятия рассудка—двенадцать категорий—формирует весь опытный мир и в этом смысле является законодателем и даже творцом природы. В основе же чистого разума, который „не почерпает свои законы из природы, а предписывает их ей“³⁾ ле-

1) Джон Локк написал свой знаменитый „*An essay concerning human understanding*“ в главных чертах еще в 1670 г. (первое издание вышло в Лондоне в 1690 г.); лейбницеvские „*Nouveaux essais*“ написаны в 1704 г. (опублик. в 1765 г.).

2) „*Nouveaux essais*“, предисловие. Курсив наш.

3) „Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки“, § 36: „Как возможна сама природа“?

жит чистое, неизменное, первоначальное самосознание, которое Кант и называет *трансцендентальной апперцепцией*, в отличие от изменчивого эмпирического самосознания, лишенного „устойчивой и пребывающей самости“, которое Кант называет *эмпирической апперцепцией*:

„В основе всякой необходимости лежит всегда трансцендентальное условие. Следовательно, должно существовать трансцендентальное основание единства сознания в синтезе многообразия всех наших наглядных представлений, значит, также трансцендентальное основание понятий объектов вообще, а, следовательно, и всех предметов опыта; без этого трансцендентального основания невозможно было бы примышлять к нашим наглядным представлениям какой бы то ни было предмет, так как предмет есть не более, как нечто, понятие чего выражает такую необходимость синтеза.

„Это первоначальное и трансцендентальное условие есть не что иное, как *трансцендентальная апперцепция*. Сознание нашего я во внутреннем восприятии согласно определениям нашего состояния, имеет только эмпирический, всегда изменчивый характер; в этом потоке внутренних явлений не может быть никакой устойчивой и пребывающей самости; это сознание себя, обыкновенно, называется *внутренним чувством* или *эмпирической апперцепцией*. То, что необходимо должно быть представляемо, как численно тождественное, не может быть мыслимым, как таковое, посредством эмпирических данных. Должно существовать условие, предшествующее всякому опыту, даже служащее условием самой возможности опыта и придающее значение такому трансцендентальному предположению.

„И действительно, для нас невозможны никакие знания, никакое сочетание и единство их без того единства сознания, которое предшествует всем данным наглядным представлениям, и в отношении к которому лишь возможно всякое представление о предметах. Это чистое первоначальное неизменное сознание я буду называть *трансцендентальной апперцепцией*.¹⁾

Эмпирическая апперцепция изменчива; принадлежа к эмпирическому миру, она сама изменяется вместе с ним, и ничего неизменного на ней построить нельзя. Эмпирически беря, познающий субъект сам есть часть природы, и подверженный ее воздействиям, изменчив в самых свойствах своих. И в поисках „чистого“ неизменного субъекта, сохраняющего свою „пребывающую самость“ безотносительно к воздействиям на него окружающего мира, Канту приходится постулировать *до-опытную* и *сверх-опытную* трансцендентальную апперцепцию, увенчивающую все здание Кантовского априоризма.

Здесь не место вдаваться в чисто-гносеологическую критику кантовского критицизма. Коренное и смертельное для всей системы противоречие вскрыл еще при жизни Канта Якоби. Если из аффекции, воздействия на нас вещей в себе, проистекает только *материя* явлений, т. е. притекающий к нам материал восприятий (ощущения), *форма* же, т. е. упорядочивающая связь (пространство, время, причина и пр.) привносится в явления субъектом, то и самое аффицирование субъекта вещами в себе, предполагающее реальную связь причины и

¹⁾ Immanuel Kant's Kritik der reinen Vernunft, herausgegeben von J. H. von Kirchmann, VI Auflage, Heidelberg 1834, стр. 665—666: Nachträge aus der ersten Ausgabe—I. Zur Deduktion der reinen Verstandesbegriffe (весь этот отдел, широко разработанный Кантом в первом изд. „Кр. ч. раз.“ 1781 г., подвергся во втором изд. 1787 г. значительному сокращению). Русский перевод Н. Лосского, стр. 90—91.

действия, было бы невозможно¹⁾. И нетрудно было бы показать, что это коренное противоречие заложено уже в исходном противопоставлении Канта, что „хотя материя всякого явления дана нам только а *posteriori*, форма для них целиком должна находиться готовою в душе а *priori*“.²⁾ И нетрудно было бы также показать, что это основное противоречие кантовской системы может быть разрешено либо в сторону *субъективистического идеализма* (учение Фихте³⁾ о „Я“, творчески создающем „не-Я“), который в логическом развитии, без какого-нибудь спасительного *salto vitale*, упирается неизбежно в тупик *солипсизма*,—либо же в сторону *материализма*, который самый субъект при всем его потенцированном своеобразии, рассматривает, как часть *объективного мира*.

Здесь мы хотим лишь сопоставить основоположение кантовского трансцендентализма, в интересующем нас вопросе об апперцепции, с основным воззрением построенной, увы, лишь на эмпирических обобщениях науки—биологии и социологии—на органическое и общественное развитие.

Всякая органическая особь, всякий человеческий индивидуум, как конечное в данный момент звено длинной цепи развития рода, общества, конечно, представляет, по отношению ко всему индивидуальному жизненному опыту, своего рода „априорную форму“, предшествующую этому индивидуальному опыту и обуславливающую самую возможность его: только наличный воспринимательный аппарат с его готовым „до-опытным“ устройством дает ведь возможность самого опыта. Но сама эта „априорная форма“ имеет вполне *эмпирическое* происхождение—*в ходе развития рода, общества*. Особенности данного поколения могут быть унаследованными и действовать в готовом виде, т. е. „априорно“, по отношению к опыту данного поколения, но складывались эти особенности, отлагались, видоизменялись, суммировались и потенцировались в несметном ряде поколений чисто *эмпирически*, путем *приспособления* этих поколений к *условиям* окружающей среды, к *объективному миру*.⁴⁾

Понимание апперцепции в духе кантовского учения о форме идет также вразрез с научными основами современной психологии и педагогики. Если позади эмпирической апперцепции лежит и ее определяет неподдающаяся эмпирическому воздействию *трансцендентальная* апперцепция, или—переводя с языка теоретического на язык практического разума—если в основе эмпирического характера лежит неподдающийся эмпирическому воздействию *интеллектуальный* характер, тогда как возможна и какой смысл имеет педагогика? Локк был глубоко наивен в своем учении о *tabula rasa*. Но он был глубоко прав, поскольку речь идет о *принципиальных* основах материалистического эмпиризма, на которых по существу—сознавая то или не сознавая—базируется вся на-

¹⁾ Fr. Heinr. Jacobi: „D. Hume über den Glauben, oder Idealismus und Realismus“ Bresl. 1787.

²⁾ § 1 Трансцендентальной эстетики в „Kritik der reinen Vernunft“.

³⁾ Фихте взял как раз исходным пунктом учение Канта о первоначально-синтетическом трансцендентальном единстве апперцепции.

⁴⁾ Это относится не только к познавательному аппарату, но и к содержанию сознания. Что „прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками“, может для индивидуального сознания человека или смутного „инстинктивного“ сознания гуся—гуся на водопой идти не по ломанной или кривой линии, а по прямой—быть чем-то априорным. По в несчетном ряде поколений людей или гусей это „общее убеждение“ (Эвклид так и называл аксиомы: *λογος ευνους*) складывалось на основе опыта, и аксиоматическая сила его отражает именно несчетность этих элементарных опытов.

ша наука и, в частности, также научный социализм. От Локка, через его непосредственного ученика и французского истолкователя Кондильяка¹⁾, учившего, что от воспитания и от внешних обстоятельств зависит развитие человека, через Гельвеция²⁾ и Гольбаха³⁾, с их учением о том, что „человек есть создание природы; он находится в природе; он подчинен ее законам; он не может от нее освободиться; он не может, хотя бы в мыслях своих, выйти за ее пределы“, — идет прямая линия к современному социализму. И, как говорит К. Маркс, не надо большого ума, чтобы понять эту необходимую связь: „Если человек черпает все свои ощущения, знания и т. д. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком... Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека“.⁴⁾

Вместе со всем зданием кантовского априоризма должен рушиться и самый дуализм формы и содержания у Бауэра. Между тем теория национальной апперцепции у Бауэра построена всецело на дуализме, вырывающем непроходимую пропасть между формой и содержанием: интернациональному содержанию культуры он противопоставляет ее национальную форму, и принципиально отрывая последнюю от первого, приходит к выводу, что культура по содержанию все более интернационализируется, но зато по форме она все более национализируется.

О. Бауэр в тот период, к которому относится написание его большого исследования по национальному вопросу, вообще, стоял за привнесение в марксизм определенных элементов кантианства и так именно склонен был истолковывать марксизм. Так, например, в статье, посвященной истории „Капитала“⁵⁾ он писал, что Маркс воспринял из гегелевской логики (освободив от приданного ей Гегелем онтологического покрова) „ту общую всякой идеалистической философии идею, что наше знание определяется закономерностью нашего сознания“, — что в гегелевой философии Маркс нашел общее „всякому идеализму понятие науки, но лишь в приданной ему Гегелем онтологической оболочке“, и что освободив понятие науки от этой оболочки, „Маркс восстановил его — хотя и на другом языке — в существенном в той же форме, в какой оно служило и служит основой и исходным пунктом критической философии“.⁶⁾

В ответных замечаниях на критику его теории наций К. Каутским (кстати сказать, в этой критике — „Nationalität und Internationalität“ — Каутский совершенно обошел главный устой Бауэровской теории — национальную апперцепцию) Бауэр указал, что в основе его теории нации лежит, не нашедшее в его исследовании только по внешним

¹⁾ „Essai sur l'origine des connaissances humaines“.

²⁾ „De l'homme“.

³⁾ „Système de la nature“.

⁴⁾ К. Маркс, отрывок о французском материализме XVIII века в приложении к „Людвигу Фейербаху“ Фридриха Энгельса.

⁵⁾ „Die Neue Zeit“, 1907-1908, Bd. I.

⁶⁾ По-русски в сборнике: „Основные проблемы политической экономики“, Гос. изд. 1922 г., стр. 49. — Такое истолкование Маркса решительно идет вразрез со всем духом марксизма и искажает в корне его диалектико-материалистическую основу.

причинам своего развития, *учение о форме* в применении к социальным явлениям (*soziale Formenlehre*), которое должно в качестве „формальной социологии“ дополнить и углубить теорию исторического материализма. „Такое учение о форме в применении к социальным явлениям,—говорит Бауэр,—показало бы, что получающиеся идеологические явления могут быть объяснены только из соединения сформованных (*geformten*) новыми производственными отношениями содержания сознания (*Bewusstseinsinhalte*) с унаследованными (*überlieferten*) элементами культуры, кореняющимися в производственных отношениях прошлых эпох; это составило бы общую теоретическую основу нашего учения о национальной апперцепции“....¹⁾ Национальную апперцепцию Бауэр называет здесь также „частной формой проявления общего закона непрерывности (*Kontinuität*) человеческого сознания“.²⁾

Непрерывность нашего сознания есть несомненный психологический факт, непрерывное действие унаследованных от предыдущих эпох элементов культуры—непреложный социологический факт, вполне признаваемый и учитываемый также теорией исторического материализма. Но если эти непреложные факты не смогли, все же, помешать тому, чтобы различные племена, на памяти истории, претворились в единую нацию, то как могут они составить *непреодолимое*, на все предбудущие времена, препятствие к претворению наций в единое человечество, если бы ход истории к этому толкал. Совершенно очевидно, что та национальная апперцепция, какая необходима Бауэру для его выводов, может быть дана только *такой* „формальной социологией“, которая в учении о форме обеими ногами стала бы на почву *кантианского априоризма*, прокладывающего дорогу не науке, а метафизике, могущей выступить в ложном качестве науки.

К сходным с бауэрскими выводам, но несколько иным путем, пришел и наш покойный А. А. Потебня. А. А. Потебня, который был не только великим языковедом, но и крупным мыслителем, с тонко отшлифованным философским умом и острой диалектикой.

„Приближение к общечеловечности мы можем представить себе лишь *позади* нынешнего уровня развития человечества... Но по отношению к *будущему общечеловечности*, в смысле *сходства*, может только *уменьшаться*“.³⁾ Этот вывод Потебни о неизбежно растущей дифференциации народов определяется обще-философскими воззрениями его, в частности его взглядом на абсолютную, в существе своем, индивидуальную своеобразность и замкнутость отдельного народа. Подобно Лацарусу и Штейнталу, Потебня был, по основному ходу своей философской мысли, учеником Гербарта, в учении которого о *реалах* (*Reale*), как простых и неизменных существах, отражается в модифицированном виде учение Лейбница о *монадах*, которые „не имеют дверей и окон“.

В отдельном человеке, в его индивидуальности, которая даже при понимании другими не может быть понята, Потебня и видит своего рода „монаду“ или „реал“. Но аргументация Потебни неразрывно

¹⁾ „Bemerkungen zur Nationalitätsfrage“ von Otto Bauer, „Die Neue Zeit“, 26. Jahr, Bd. I, № 23. (Mарт 1908 г.)

²⁾ Ibidem.

³⁾ А. А. Потебня: „Язык и народность“, „В. Евр.“ 1895 г., сент.; перепечат. в изд. „Из записок по теории словесности“, Харьк. 1905 г.

связана с его взглядом на язык.¹⁾ Поэтому будет правильнее остановиться на этой аргументации особо при рассмотрении вопроса о языковой форме культуры в связи с тенденциями развития наций.

Выводы.

Предварительные выводы из рассмотрения теории национальный апперцепции Бауэра можно резюмировать так:

Апперцепция, как ее понимает современная психологическая наука, как „участие известных (наличных) масс представлений в образовании новых мыслей“ (по формулировке Потебни),—есть *бесспорный факт действительности*.

Но эта *эмпирическая* апперцепция, в отличие от *трансцендентальной*, отнюдь не несет сама в себе обязательно *возрастания различий* даже под действием *одинаковых* условий. Напротив, длительная *одинаковость* условий может вести развитие в сторону *уравнивания* самой *апперцепции*. Это исторически имело место, например, в *консолидации* современных великих наций, с *единой* национальной апперцепцией, из различных племен, с их резко отличными *провинциально-племенными* апперцепциями.²⁾

И если только в горниле истории, на высшей ступени развития, выковывается, на место национальной общности, *мировая общность* судьбы и на место национальных культур—*мировая культура*, то *национальная* апперцепция сама по себе так же мало сможет воспрепятствовать консолидации наций в единое человечество, как на более низкой ступени, *провинциально-племенные* апперцепции не смогли помешать консолидации племен в единые нации.

Повторяем: если только ход мировой истории действительно к этому толкает. Причем сложный вопрос о соотношении мировой и национальных культур необходимо рассмотреть и со стороны содержания, и со стороны языковой формы.

Анализу этих тенденций развития наций посвящена следующая глава.

С. Семковский.

(Продолжение следует).

¹⁾ См. в особенности, „Мысль и язык“, 2-е изд., Харьков, 1892 г. (новое изд. „Ред. Комитета по изд. соч. А. А. Потебни“ находится в печати), цит. выше „Язык и народность“ и полемику с Максом Мюллером „Язык и языки“, перепечат. в изд. „Из записок по теории словесности“, Харьк. 1905 г.

²⁾ Сходный процесс разворачивается сейчас на наших глазах в постепенной консолидации украинского народа, не взирая на различия сложившихся провинциальных апперцепций мужика харьковского, подтавского, подольского и даже галицкого.

Об исследовании и издании памятников древне-русского искусства.

Общие воззрения и приемы исследования исторической науки вырабатывались веками. По наследству и до сих пор у историков сохранились определенные навыки мысли, которые пристальной критики не выдерживают, но от которых им трудно отказаться вовсе. Именно таким пережитком прошлого является индивидуалистское отношение к историческому процессу, когда на первый план выдвигаются отдельные (биографически охарактеризованные) деятели и отдельные (географически, хронологически и эпически точно и подробно изученные) события.

Правда, чисто анекдотический рассказ о героях и подвигах, как бы он ни был занимателен сам по себе и как бы бесспорно ни были установлены все частности, уже никого более не удовлетворяет; самый тонкий психологический анализ, самое остроумное причинно-следственное объяснение уже признаются не самодовлеющими, а лишь относительными ценностями. Все более четко вырисовывается в сознании историков, что пресловутый старый немецкий принцип—повествовать о том, как и что случилось,—должен быть, наконец, оставлен, что люди и их дела не более, как сверкающая рябь на поверхности океана истории, и что задача науки не может же заключаться в том, чтобы следить за причудливою игрою этой ряби; историческая наука должна стремиться к тому, чтобы проникнуть в самую глубь океана, изучить те колоссальные—но извне незаметные—течения, которые для жизни человечества не менее значительны, чем Гольфстрем или Куро-Сиво для жизни Атлантического или Великого океанов.

Задачей исторической науки является обнаружение общего хода социально-экономической и культурной эволюции и выявление непреходящей закономерности массовой жизни, массовых движений. И хотя это прекрасно создано,—тем не менее, в силу анахронизма привычки, мы и до сих пор продолжаем считать «доисторическими» или, по крайней мере, «внеисторическими» те периоды жизни человечества или отдельных его частей, для которых мы не располагаем сведениями о героях и событиях; нас как-то не удовлетворяют изыскания о прошлом, если города (а то даже и целые народы и государства) остаются безымянными, и если исчерпывающе выясненный исторический процесс в силу необходимости излагается без красочных подробностей, без точной хронологии и географии отдельных фактов, без людей, без страстей. И мы до сих пор, поэтому, чрезвычайно высоко ценим те именно исторические документы, где люди и страсти ярко проявляются—источники письменные: мы жаждем летописей, надписей, архивных материалов и т. д.

Неполнота, недостоверность, а часто—преднамеренная неискренность и лживость именно этих письменных источников давно стали очевидными; и давно известно, что основанная на таком «документальном материале» историческая повесть по необходимости остается на поверхности и имеет, следовательно, весьма малую научную ценность. Более того: люди и страсти, овладевая вниманием историка, закрывают от него подлинную суть процесса и отвлекают его от того единого, что есть на потребу. И всетаки большинство историков, углубляя, правда, по мере возможности, критические предосторожно-

сти, в основу своей работы кладет письменные источники и привлекает источники этнографические, лингвистические, археологические и художественные, лишь как подсобный и второстепенный материал.

На самом деле, необходимо как раз обратное: именно факты этнографии, именно лингвистические данные, вещественные памятники прошлого должны были бы быть тем незыблемым фундаментом, на котором только и можно строить познание прошлого; а летописи и надписи и архивные бумаги годятся лишь для того, чтобы кое-где и в кое-каких деталях пояснять и конкретизировать повесть. Наше время всяческих революций и переоценок должно произвести революцию и переоценку и в этой области чисто-теоретической исследовательской работы.

Древняя русская история привычно исследуется и излагается на основании русских, византийских и арабских летописей и иных литературных произведений, а материалы диалектологические и—для «доисторического» периода—археологические привлекаются частично и дополнительно. В результате историки, в зависимости, главным образом, от силы своего национального чувства и от общих политических и религиозных своих воззрений, далеко разошлись в своих взглядах, и между ними разгорелись бесконечные полемики, чрезвычайно страстные и чрезвычайно—не только бесполезные, но вредные: сместился центр тяжести вопроса, речь все время идет о второстепенных деталях, в пылу спора искомое стало аргументом, смысл спора оказался за пределами имевшегося в распоряжении спорящих материала, и получилась иллюзия, будто мы весь основной процесс уже достаточно достоверно и твердо знаем. А на самом деле, именно основной исторический процесс и по сей час совершенно загадочен.

Благодаря исследованиям ряда ученых и, особенно, А. А. Шахматова известно, что древнейшие, дошедшие до нас летописные русские своды не могут расцениваться, как подлинные первоисточники: они—не что иное, как нарочитая переработка подлинных записей, переработка, предпринятая в определенных политических и религиозных целях. Летописные наши своды имеют, следовательно, все достоинства и недостатки партийной литературы: миросозерцание авторов и представляемых ими общественных кругов выражено ярко и выпукло, но самые факты, о которых повествуется, подогнаны под излюбленную теорию, т. е. что нужно—выдвинуто на первый план, что не подходит—о том умалчивается вовсе или говорится в ненадлежащей связи, кое-что присочинено, кое-что извращено.

Наши летописные своды составлены с целью показать, что исконный русский народ, по зрелом размышлении и вполне добровольно, подчинился варяжской государственной и военной организации, и что русский народ, имея полную и неограниченную возможность выбора веры, сознательно воспринял именно греческое православие; вывод из этого читатель должен был сделать, конечно, тот, что затем русский народ уже морально и политически обязан навсегда свято чтить и варяжскую власть, и греческую церковь. Это—тот самый догмат о самодержавии, православии и народности, которому суждено было, в разных, конечно, формулировках, дожить до самого XX века.

С точки зрения этого догмата вполне естественно, что на первый план выдвигаются именно те племена, которые жили на великом торговом пути «из варяг в греки», т. е. ильменские словены и приднепровские поляне с центрами Новгородом и Киевом, а о прочих племенах или говорится очень неодобрительно, или вовсе ничего не

говорится. Вполне естественно, далее, что мы ничего почти не слышим о местных русских княжеских родах, с варягами ничего общего не имевших: эти княжеские роды, разумеется, с варягами боролись на смерть, защищая как свое собственное существование, так и независимость своих сородичей; в глазах Киевского летописца они, разумеется, всегда неправы и подлежат быстрому и немилостивому уничтожению усилиями законных варяжских властителей. Вполне естественно, конечно, затем, что из внешних сношений Руси IX—XI веков обращают на себя исключительное внимание летописца именно сношения с греками, и именно этим сношениям приписывается не только военный, но и мирный, торговый, культурный характер; о прочих же соседях Руси—западных, северных, восточных—лишь вскользь и мимоходом упоминается по поводу славных и победоносных варяжских походов, причем летописец иногда упускает случаи сугубого прославления своих героев, боясь создать впечатление, что кто-либо другой еще, кроме греков, достоин внимания. Вполне естественно, наконец, что летописные своды все дело христианизации Руси выводят из Константинополя, приурочивая его к определенному месту и моменту—к корсунскому походу Владимира, и сводя предшествующую историю христианства на Руси к повести о цареградском паломничестве княгини Ольги.

Подробный анализ русских летописных сводов достаточен, чтобы показать партийную предвзятость и фактическую несамостоятельность летописного построения древнейшей русской истории, но недостаточно, чтобы выяснить на основании этих сводов, как и что было в действительности. Мало помогают в этом деле и источники арабские и византийские: арабов и византийцев интересовали, вполне естественно, только те славянские племена, которые появлялись на Волжско-Каспийском торговом пути, на побережьях Каспийского и Черноморского морей и на Балканском полуострове, т. е. в значительной части именно те, о которых наши летописные своды умалчивают, потому ли, что упоминание о них признавалось нежелательным, или просто, быть может, потому, что из окон киевской монастырской кельи их не было видно. А те племена, о которых только и говорят своды, находятся вне поля зрения византийцев и арабов. Свести воедино русские, византийские и арабские известия так, чтобы получить сколько-нибудь ясную, полную, цельную картину,—не удастся.

Основных вопросов древней русской истории три:

- 1) Откуда взялись, как дробились, как расселялись и переселялись, как устраивались восточно-славянские племена?
- 2) Под чьим воздействием восточно-славянские племена пробудились к собственной политической, религиозной и культурной творческой работе?
- 3) Где были центры этой творческой работы, каково было взаимоотношение этих центров, и каково значение их для дальнейшего развития?

Раз письменные памятники нам обо всем этом сообщают неполные и недостоверные сведения, нам остается только обратиться к лингвистике и этнографии, к археологии и истории искусства. Я не берусь судить о том, достаточно ли у нас сделано и делается в деле разработки проблем лингвистики и исторической этнографии,—пусть о том скажут специалисты. Но что и археологическое исследование территории, по которой расселились восточно-славянские племена, едва начато, и что памятники искусства даже не зарегистрированы, не то что изучены,—это я могу утверждать, не боясь опровержений.

Материальные остатки древней русской литературы расхищаются и уничтожаются в количествах, которые не поддаются никакому учету, и именно теперь, по условиям времени, более, чем когданибудь; они исчезают, не оставив по себе, в большинстве случаев, даже отчетливого следа в научной исторической литературе.

Тысячи городищ, могильников, курганов и т. п., в которых кроется разгадка всей древнейшей русской истории, не только не обследованы, но даже не нанесены на карту, даже не записаны в какойнибудь реестр. Мы только все еще мечтаем об археологической карте Украины, которая хотя бы в общих чертах соответствовала действительности; мы—в Археологической Комиссии Всеукраинской Академии Наук—только еще ставим вопрос о том, как бы найти средства, да как бы наладить это дело. Кое-какие материалы собраны уже давно, кое-какие предварительные работы давно производились, кое-какие средства на экскурсии, разведки, раскопки и картографические труды от времени до времени отпускались—или по случаю археологических съездов, или по сметам губернских архивных комиссий и местных научных обществ, или по инициативе отдельных исследователей. Но то, что пока сделано, ничто в сравнении с тем, что надо сделать.

А памятники гибнут и гибнут без счета: курганы и прочие земляные сооружения без всякого злого умысла просто бесследно распаиваются крестьянами; хищные кладоискатели и не менее опасные рьяные дилетанты раскапывают и портят, вопреки законам и декретам, все, что не находится под непосредственной бдительной охраной,—и не знаешь, что хуже: грабительская ли алчность, или коллекционерская страсть, или любительское недомыслие, или безмятежность пахаря. А государственная власть была и, конечно, остается бессильною в борьбе с «частною инициативой», ибо нет средств для того, чтобы взять все дело энергично в собственные руки и действовать в надлежащем масштабе и темпе.

В столь же тяжелом положении находятся и более поздние памятники уже вполне «исторической» великокняжеской поры. Иногда в развалинах, иногда—частично, иногда—более или менее в целости, хотя бы и в сильно «подновленном» и искаженном виде, памятники эти существуют, их немало, о большинстве их кое-что известно, кое-что даже и в печати сообщалось местными почитателями древности или же учеными историками. Тем не менее, о научном использовании этих памятников пока не может быть и речи, ибо у нас не хватит на описание и исследование их достаточно подготовленных историков искусства, а потому памятники молчат, не дают ответа на те общеисторические вопросы, о которых мы говорили выше. Самые знаменитые, самые исторически-замечательные из этих памятников такие, которые стоят на людных и видных местах, такие, как киевская св. София или Великая церковь Киево-Печерской Лавры,—и они не составляют исключения: мы и о них ничего, как следует, не знаем и довольствуемся поневоле кое-какими отрывочными сведениями, которые случайно находятся в нашем распоряжении. Какая ирония: очень часто мы только и имеем, что сборники летописных текстов, относящихся к данному памятнику, тогда как памятники нам нужны именно для проверки и пополнения летописных данных!

Опасность памятникам старинного искусства угрожает не меньшая, нежели памятникам археологическим, но только с другой стороны: им обыкновенно страшен не грабитель и не коллекционер, но страшен одинаково и богомолец, и революционер, враг церкви, и рав-

нодушный обыватель. И те, и другие, и третьи не умеют видеть в памятнике именно и только памятник, исторический документ, относящийся к отдаленному прошлому, драгоценный научный материал, который должен быть сохранен, во что бы то ни стало, в подлинном своем виде, так как, если он исчезнет, он никогда не сможет быть ни восстановлен, ни заменен другим—у каждого памятника есть что-то свое, что только он один и может сказать. Богомолец стремится поправить, подновить, украсить старое здание, достроить и расширить его—потому что для него это храм Божий (что вот такие благочестивые люди наделали и в св. Софии, и в Десятинной церкви, и в Черниговском Спасе!); враг церкви, в свою очередь, хотел бы снести старое здание, или перестроить его до неузнаваемости, или оборудовать его для какого-нибудь иного назначения—потому что и он видит только церковь, проявление суеверия и невежества, произведение враждебной силы, с которой ему надлежит бороться всемерно; а равнодушный обыватель в лучшем случае предоставляет зданию разрушаться от времени, а в худшем—старается его использовать, как строительный материал, или приспособить для своих нужд, потому что для него, обывателя, старое здание есть старое здание и ничего больше, т. е. нечто ненужное и мешающее,—надо видеть, как в Киеве сейчас злобно мальчишки растаскивают по кирпичам остатки Золотых ворот Ярослава, как они трудятся, работая кусками газо-и водопроводных труб за неимением настоящих ломов,—и все комитеты охраны памятников оказываются решительно бессильными, хотя разрушение происходит в самом центре большого города и хотя тут постоянно проходит масса народа...

Беда наша в том, что древнейшие сохранившиеся памятники—и на Украине, и в России—почти без исключения имеют церковный характер. В стране, которая изобилует столь легко поддающимся обработке материалом, как дерево, было бы удивительно, если бы обычными в ежедневном обиходе не были деревянные здания и деревянная утварь и если бы кирпичные здания и металлическая утварь не являлись почти-что монополией церкви, учреждения, которое в глазах населения было облечено ореолом вечности и имело право претендовать, если не на вечность, то, по крайней мере, на относительную долговечность всего того, что предназначалось для культа.

Впрочем, я не уверен, что если бы наши памятники великокняжеской поры имели нецерковный характер, им была бы обеспечена лучшая сохранность. Нет страны в мире, где бы во всех слоях общества менее было распространено и развито историческое чувство, чем у нас, и где бы население более совершенно утратило всякую связь со своим же собственным прошлым, со своими же собственными предками. Я не хочу сказать, что в Западной Европе точные исторические знания более распространены в широких массах,—но там неизмеримо лучше знают и неизмеримо сильнее любят древности родного города или села, гордятся всяким старым деревом, старым холмом, старым зданием, хотя бы то были развалины, ничем, кроме древности, не замечательные, хранят предания, с ними связанные, а часто—без особых оснований к ним приуроченные, и воспитывают молодые поколения в тех же чувствах.

У нас охрана памятников проводится одною государственною властью, а не широкими общественными кругами. На Украине еще в начале 1919 года был учрежден Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС), который теперь реорганизован в Главмузей. Нечего и говорить, что и ВУКОПИС, и Глав-

музей выработали прекрасные инструкции, коим не только обеспечивается материальная охрана всех памятников древности и искусства от порчи, расхищения и разрушения, но ставится на очередь планомерная научная их регистрация и изучение. Фактически, однако, и ВУКОПИС, и его губернские и уездные органы (Губ-и УКОПИСы) до сих пор были настолько перегружены ежедневной текущею работою по спасанию наиболее угрожаемых в каждую данную минуту памятников, что едва имели время приступить к работе планомерной и систематической даже по части регистрации; научное же изучение и историческое использование памятников оставались в области проектов и пожеланий. И только теперь в этом последнем направлении делаются первые серьезные шаги: учреждена постоянная особая Комиссия по изучению и изданию киевской св. Софии; эта Комиссия получила в свое распоряжение на ближайшие месяцы некоторые средства и смогла приступить к исследовательской работе.

Первоначально она была учреждена при Научном отделе ВУКОПИСа еще в начале 1919 года и непосредственно унаследовала задания и, конкретно, даже часть работников того Софийского Комитета, который был организован в Киеве летом 1918 года. Был выработан подробный план всего предприятия, было установлено, что именно требуется для осуществления его, отдельные главы исследования были распределены между соответствующими специалистами. Но постоянно менявшиеся условия жизни, бесконечные мучительные перемены не только власти, но всего общественного быта Украины, не дали возможности ни Софийскому Комитету 1918 года, ни Софийской Комиссии 1919 года осуществить сколько-нибудь широкие замыслы. Только один из членов Софийского Комитета 1918 года, архитектор И. В. Моргилевский (он и в настоящее время входит в состав президиума существующей сейчас Софийской Комиссии при Всеукраинской Академии Наук), приступил к работе тогда же: не дожидаясь отпуска средств, он, с группою преданных делу молодых помощников-студентов, начал обмеры здания и продолжал это дело в течение 1918—1921 гг. Разумеется, что работа шла с перерывами, которые от воли исследователей не зависели, и шла не в том темпе и не в тех размерах, которые были бы желательны. Тем не менее, удалось закончить ряд кропотливых предварительных работ, в том числе чрезвычайно тщательно и точно проведенную полную внутреннюю и наружную nivelлировку всего здания. Результаты изысканий И. В. Моргилевского замечательны, несмотря на то, что дело, в сущности, только начато. Не подлежит никакому сомнению, что столь же замечательные результаты дадут и те раскопки в пределах усадьбы св. Софии и внутри самого храма, которые совершенно необходимы и входят в общий план работ, и изучение мозаичной и фресковой росписи, а также декоративных скульптур и всего прочего художественного убранства. Нужно только приступить к систематической работе.

Под 1037 годом мы в киевском летописном своде находим лаконическую заметку, в которой сообщается общий обзор всей строительной деятельности Ярослава в Киеве, и приводится список выстроенных в его княжение киевских церквей; в их числе значится также и св. София.

Совершенно ясно, что никакого хронологического значения эта заметка иметь не может. Нужно было все слепое преклонение истори-

ков перед каждою буквою летописного текста, чтобы запись 1037 года могла в продолжение долгого времени считаться точною датою построения и св. Софии, и ряда других зданий. Перечисленные летописцем здания возведены в один год, конечно, не могли быть, а строились годами и годами; они не могли быть ни заложены все в один и тот же год, ни закончены в одном году, так как Киев 1037 года не мог располагать ни необходимыми строительными материалами, ни необходимыми обученными строительными рабочими в достаточном количестве, чтобы одновременно производить столько монументальных каменно-кирпично-цементных работ.

В частности, св. София не могла быть ни заложена в 1037 году — тогда бы мы, несомненно, среди пространных записей следующих годов нашли известие об ее окончании и торжественном освящении, ни закончена к 1037 году — этого не допускает самый контекст летописной заметки. Повидимому летописец под 1037 годом дал просто сводку всех тех известий, которые относились к предшествовавшему периоду княжения Ярослава, периоду смутному, когда правильных записей, может быть, не делалось, и, не располагая точными хронологическими сведениями, которые позволили бы ему расписать известия по отдельным годам, ограничился суммарною статьею. Если внимательно вчитаться в летопись, становится весьма вероятным, что св. София была заложена в память и на месте сражения Ярослава с печенегами непосредственно после этого сражения, т. е. в 1017 году; вполне возможно, что постройка была фактически начата в 1019 году, когда для этого имелись более благоприятные условия; велась она с более или менее значительными перерывами, которые были обусловлены политическими смутами, в течение ряда лет; по сообщению польского летописца Длугоша, здание было закончено к 1033 году, когда и было освящено в воскресенье 4 октября.

Вопрос о точной дате построения св. Софии существенного значения, конечно, не имеет. Запись киевского летописного свода 1037 года любопытна в ином отношении: она средактирована в той же грекофильской тенденции, о которой мы выше уже упоминали, и она рассчитана на то, чтобы произвести на читателей определенное впечатление. Она гласит так: «Въ лѣто 6545. Заложѣ Ярославъ градъ великѣи, у негоже града суть Златая врата; заложѣ же и църквь свѣтѣя София, митрополию; и по семь църквь на Златыхъ вратѣхъ, свѣтѣя Богородица Благовѣщение, по семь свѣтаго Георгия монастырь и свѣтѣя Ирины.» Именно в этом компактном виде список таких названий, как Златые врата, святая София, св. Ирина, св. Георгий, должен был по необходимости напомнить о Константинополе всякому, кто хотя бы по наслышке знал о нем что-нибудь. Редактор свода так хорошо достиг своей цели, что еще в середине XIX века приходилось тратить время и силы на то, чтобы доказывать, что киевские Златые врата не имеют решительно ничего общего с константинопольскими Золотыми вратами, или что киевская св. София никоим образом не есть копия с константинопольской св. Софии.

Автор летописной записи 1037 года вовсе не утверждает, что строителями св. Софии были греки; он это только, если можно так выразиться, инсинуирует. Должны ли мы эту инсинуацию принять на веру? Едва-ли. Ибо вопрос о том, кто строил св. Софию, неизмеримо важнее вопроса о том, в котором году она была заложена и в котором освящена, и многих еще других вопросов истории древней Киевской Руси: решить, кто именно строил св. Софию, значит хоть

частично решить, откуда пошла и под чьим влиянием развивалась вся древне-русская культура.

Теоретически говоря, допустимы три возможности: или строили русские рабочие под руководством русских же зодчих, или строили русские рабочие под руководством иноземных зодчих, или, наконец, строили целиком иностранцы.

Первый по времени построения кирпичный (а может быть — каменный?) храм на Руси была Десятинная церковь, возведенная в Киеве в 991—996 годах Владимиром; второй — Св. София, заложенная в 1017 (или 1019) году Ярославом и законченная в 1033 году; третий — Богородичная церковь, заложенная в 1022 году Мстиславом в Тмутаракани; четвертый — черниговский Спас, стены которого в 1036 году были возведены „възвыше, яко на кони стоящу досяаи“. Все прочие здания на Руси X и начала XI века, кроме одного ближе не определяемого каменного терема в Киеве, были деревянные.

Этот справку бесспорно разрешается вопрос о русских строителях св. Софии как руководителях, так и рабочих. И в наше время процветания кабинетной работы зодчий по книжкам только готовится к тому, чтобы стать практическим архитектором, но приступает к выполнению больших и ответственных работ лишь после многих лет опыта; в XI веке по книжкам вовсе нельзя было учиться строительному искусству, и чтобы скомпоновать и спроектировать значительный сложно-сводчатый кирпично-каменно-бетонный храм, чтобы наладить (специально для данной постройки, заметьте) все производство строительных материалов — кирпича и цемента, чтобы знать, как складывать фундаменты, стены, столбы, как сводить арки и всевозможные своды, — для этого нужно было иметь огромный практический стаж. Где же киевлянин XI века мог набраться строительного опыта, раз на всем протяжении Руси каменные постройки являлись такими редчайшими исключениями! То же самое следует сказать и относительно рабочих: более, чем в каком-либо ином искусстве, именно в архитектуре успех дела зависит не только от руководителя, но и от наличия хороших рабочих, а рабочие, конечно же, воспитываются в процессе производства, а не в школах. Русским рабочим начала XI века негде было научиться строительному делу: Десятинная церковь Владимира, может быть, была кирпичным зданием, но, насколько можно судить по результатам раскопок митрополита Евгения Болховитинова (середины двадцатых годов XIX века) и Д. В. Милеева (1908 года), Десятинная церковь была базиликою с каменными или кирпичными стенами, но с деревянною кровлею, т. е. без высоких и разнообразных сводчатых конструкций.

Значит, строили св. Софию иностранцы, которые откуда-то пришли целою артелью; русские могли им только помогать, исполняя наименее ответственную черную работу.

Откуда явились иностранцы? Либо из Западной Европы, либо из славянских придунайских стран, либо из Константинополя, либо с переднеазиатского Востока (по пути Персия-Месопотамия-Трапезунт или Персия-Месопотамия-Кавказ-Тмутаракань). Пока св. София сама не исследована, мы ответа на этот вопрос не получим. В настоящее время, после работ И. В. Моргилевского, мы можем только указать на ряд таких особенностей св. Софии, которые позволяют хоть гадать в более или менее определенном направлении; работы И. В. Моргилевского существенно подкрепляют предположения, высказанные кое-кем уже ранее.

Константинопольские зодчие XI века далеко, конечно, отошли от ранне-византийских стилистических традиций, ибо, несмотря на прочно укоренившееся мнение, будто византийское искусство было чем-то неподвижно-косным, именно византийское искусство менее всего можно упрекнуть в топтании на одном месте. Монументальная архитектура XI века мало похожа на архитектуру IV—VI веков. Но одно все-таки осталось неизменным: для византийского архитектора и в VI, и в XI веке центральный купол церковной постройки оставался не только главной составной частью здания, но тем организующим началом, которое ритмически (художественно) и конструктивно обустраивало собою все прочие части постройки. Именно XI-ый век — правда, не в самом Константинополе — создал соборы Нового монастыря на Хиосе, монастыря преподобного Луки в Стириде (в греческой Фокиде), Дафнийского монастыря близ Афин и др., где повсюду купол получает новое доминирующее значение, где все здание, можно сказать, существует лишь ради центрального купола, где все здание есть не что иное, как громадный купол, снабженный необходимыми устоями и окруженный теми внешними упорами, без которых он не может стоять.

Совсем иное мы видим в св. Софии киевской. И там, конечно, есть купол, который может быть назван главным и даже, пожалуй, центральным; он водружен над перекрестьем четырех полуцилиндрических сводов сравнительно большого пролета. Но самый этот основной крест тонет в общей массе здания, и можно ходить по всей св. Софии, не видя и не чувствуя ни его, ни купола, но зато видя и чувствуя лес массивных столбов, которые стоят правильными рядами. План разбитый на множество квадратов; многочисленные одинаковых размеров парусные своды, друг от друга независимые, только сопоставленные и не несущие никакой органической работы в здании, как целом; полное отсутствие единства в общей композиции — ведь явно, что к св. Софии можно было бы прибавить еще любое количество всяких продольных и поперечных притворов, ничуть не нарушив какой бы то ни было гармонии, как можно было бы убавить свободно северную и южную боковые галереи без малейшего ущерба для здания; расчленение здания на части, служащие разным целям; наконец, самое поперечное расширение плана с севера на юг при незначительности длины плана с запада на восток — все это немыслимо в рамках константинопольского зодчества ни XI века, ни какого-либо иного. Особенно эта последняя черта — превышение ширины над длиной — наводит на размышления: отсутствие органичности и единства в общем плане еще могло бы быть объяснено бесталанностью строителя, но чтобы константинопольский зодчий, при общей ясно выраженной тенденции византийского зодчества именно XI века к удлинению здания по продольной главной оси, почему-то стал без меры расширять план, этого никак не объяснить.

Есть и еще ряд отдельных особенностей в плане или, точнее, в конструктивных приемах св. Софии, которые заслуживают пристального внимания: алтарные полукружия не вытянуты в линию, а далеко выступают на восток, причем особенно сильно выдвинуто полукружие средней апсиды; полукружия не прислонены каждое особо к корпусу церкви, а связаны одно с другим; столбы, на которых держатся своды, в своем горизонтальном сечении имеют вид креста... Все это не мелочные отступления от обычных форм, а отступления от имеющих глубокое конструктивное значение строительных приемов, проявления особенной строительской психологии и особенных привычек. Архи-

тектурные стили, в конце концов, не незыблемы, и каждый данный архитектор, оставаясь в общих рамках стиля, свободен в деталях; но строительные приемы, укоренившись веками и перейдя в область подсознательных рефлексов и привычек, оказываются неизмеримо прочнее стилистических форм.

Дело в том, что сводчатые постройки иначе возводятся в странах, подверженных землетрясениям, и иначе в странах, где землетрясений не бывает. В Константинополе, где население постоянно живет в страхе перед землетрясением, необходимо и своды конструировать в расчете на то, что они неминуемо рано или поздно испытывают более или менее сильную встряску. Поэтому в Константинополе вошло в обычай не вязать по разному нагруженные своды, чтобы при первом же толчке все здание не рухнуло, как карточный домик, а чтобы разрушение, даже если оно неизбежно, ограничилось только тою или другою частью. Это до такой степени вошло в привычку константинопольских зодчих, что они, вовсе не справляясь в каждом отдельном случае о возможности землетрясений, повсюду просто воздерживались от вязания по разному нагруженных частей. И раз мы в киевской св. Софии встречаем вязь апсид, мы можем с уверенностью подтвердить то, что нам подсказало уже изучение плана собора в его композиционном целом: мастера, строившие св. Софию, происходили не из Константинополя, а из какого-то иного художественного центра. Какого?

Для выяснения строительной истории св. Софии И. В. Моргилевский в определенных местах произвел наружные зондажи, т. е. вырезал штукатурку, которая белым саваном покрывает все стены. И оказалось, что св. София была подвергнута перестройкам немедленно после своего окончания, в том же еще XI веке. Почему? Да потому, что архитектор очевидно, совершенно, не знал и не сумел посчитаться с Киевским климатом: он приложил все старания к тому, чтобы обеспечить посетителям св. Софии максимум тени и наибольшее возможное количество сквозняков, при полной почти защите от непосредственного воздействия солнца, для чего он перекрыл значительную площадь храма сплошными толстыми сводами, окна устроил только в восточной стене и в барабане главного купола—этого, по его мнению, было довольно на весь нижний этаж; стены же нижнего этажа архитектор свел почти на нет, заменив их открытыми аркадами. Повидимому, здание в таком виде мало удовлетворило заказчиков, и открытые аркады были заложены так, чтобы вместо них получились окна. Любопытно отметить, что аркады, судя по цементу и кирпичу, а также по способу кладки, были заложены в том же XI веке и, вероятно, даже еще в княжение Ярослава, но после того, как была закончена вся отделка здания: в щелях, образовавшихся между первоначальными столбами и позднейшею замуровкою, еще цела фресковая узорная роспись, которою все здание было первоначально покрыто сплошь снаружи, как и внутри.

Вот эта наружная роспись св. Софии, остатки которой были обнаружены и в нижних частях фасада, и даже на барабанах куполов, тоже весьма замечательна. В константинопольском мире наружная сплошная фресковая роспись—вещь неслыханная. Там тоже чувствовалась потребность в наружной живописной отделке зданий, но в целях красочности там обращали особое внимание на чередующиеся слои камня и кирпича, придавали цементу особенно приятный тон или же прибегали к узорной кирпичной кладке, вставляя—в наиболее поздних постройках—кое-где разноцветные изразцы. Родину

строителей св. Софии нам приходится искать где-то там, где не боятся холода, а боятся солнца, где не бывает землетрясений, и где привыкли здания снаружи покрывать пестрою узорною росписью.

В настоящее время от всей первоначальной св. Софии снаружи ничего почти не видно: вследствие Мазепинских надстроек над наружными северною и южною галереями и вследствие украшения куполов барочными вычурными золочеными шлемами все здание получило вид плоского низкого ящика, на котором без понятного порядка стоят ничем не мотивированные барабаны куполов. В настоящее время, другими словами, св. София снаружи стала в ряд с московским собором Василия Блаженного, только без восточной красочности этого последнего. Первоначально св. София, как скульптурное произведение, была совершенно иной.

Когда богомолец, идя от золотых ворот, подходил к западному фасаду храма, он видел перед собою пирамидальное построение: справа и слева—одноэтажные галереи, крытые, быть может, вовсе даже не сводами, а односкатными деревянными кровлями; в центре—на сравнительно высоком барабане полушарие главного купола; а между этою вершиною и низкими крыльями—более низкие, чем главный, но достаточно внушительные второстепенные купола. И все это красочно-пестро вследствие узорной наружной росписи, но без слишком яркого блеска золоченых куполов—если бы купола св. Софии уже были вызолочены, не стал бы летописец отмечать, как достопримечательность, златоверхость куполов Михайловского монастыря.

Перейдем теперь к внутренней росписи.

Она исполнена частично мозаикою, частично фресковою живописью. Такое сопоставление, с точки зрения чисто-художественного эффекта,—совершенно недопустимо: мозаика убивает фреску своею красочностью и своим блеском, но, в свою очередь, становится черезчур резкою при соседстве с более мягкими тонами фрески. Ведь мозаика исполнена из небольших кубиков стекла, т. е. имеет сильный блеск, четкий и издала видный рисунок и яркую расцветку; а фреска, исполненная водяными красками, образует ковровую красочную поверхность переливчатого характера. Нигде на юге, где мозаикою и фрескою владели одинаково, мы не встречаем сопоставления в непосредственном соседстве этих двух видов живописи: если средств на цельную мозаичную роспись не хватало (мозаичная роспись, само собою разумеется, стоила гораздо дороже), вся роспись просто исполнялась фрескою; на Кавказе, где строились церкви из тесаного камня, бывали, повидимому, случаи, когда мозаичная роспись ограничивалась одною апсидою, а прочие стены и своды оставались без росписи. Если в Ярославовой св. Софии мозаика и фреска оказались сопоставленными, то, конечно, лишь потому, что заказчики требовали, во что бы то ни стало, сплошной, а не частичной росписи, к чисто живописным эффектам были мало восприимчивы, а привезенной мусии, т. е. тех стеклянных кубиков, из которых складывается мозаика, не достало на всю роспись; видно, даже у великолепного Ярослава не хватило средств выписать из далеких, чуждых стран дополнительный транспорт мусии.

Откуда в Киев для св. Софии доставлялась мусия, мы опять не знаем. Совершенно случайно, из Патерика Киево-Печерской Лавры мы узнаем, что во второй половине XI века мусию привозили «на продание» абхазские купцы...

Благодаря работам сотрудницы Софийской Комиссии А. В. Фюнер, которая обследовала груды осыпавшихся и давно хранимых в Крещальне св. Софии мозаичных кубиков, мы можем теперь установить, что мусия привозилась в Киев, по всему вероятно, в виде больших «пирогов». Эти пироги нагревались на месте, раскатывались до требуемой толщины слоя (в среднем приблизительно до 5 миллиметров) и нарезались кубиками; при этом по краям получались кусочки неправильной формы с одною валикообразною стороною. В «Византии», где мусия не представляла особенной драгоценности, такие валикообразные кубики, вероятно, попадали в отбросы и встречаются в мозаичных росписях лишь в виде сравнительно редких исключений; в Киевской св. Софии приходилось дорожить каждым кусочком смальты, и потому, среди изученных А. В. Фюнер кубиков, валикообразных экземпляров оказалось довольно значительное количество.

Любопытно еще и то, что среди множества кубиков самых разнообразных цветов отсутствуют кубики, сделанные из разноцветного шифера. На Украине разноцветные шиферы вовсе не являются редкостью, и если бы мастера Ярослава хорошенько искали, они бы нашли в ближайших к Киеву местах вовсе не только тот красивый песчаник и красный шифер, которые были использованы в качестве строительных материалов архитектором св. Софии, как в самой кладке стен, так и для декоративных скульптур, но и другие сорта камня, из которых можно было бы нарезать совсем недурные кубики для мозаик. В позднейших византийских мозаиках каменные кубики не составляют редкости. В св. Софии, в которой, явно, не хватило смальты, мозаичисты к суррогатам все-таки не прибегли: может быть, просто потому, что сами мозаичисты не догадались искать разноцветных пород камня, а туземцы не догадались, что каменными кубиками заменяются смальтовые.

Мастера, исполнявшие мозаичную роспись св. Софии, имели в своей специальности не менее определенные привычки, нежели мастера, строившие здание св. Софии, и эти привычки опять не сходятся с привычками Константинопольских мозаичистов. В Константинопольском мире мозаиками принято было покрывать внутреннюю поверхность сводов и люнеты непосредственно под сводами, т. е. только части, лежащие выше уровня того карниза, который обходил внутри вокруг всего здания на высоте пяти сводов. В св. Софии также, как некогда в Равенне и Истрии, и как немного позднее в Сицилии, мозаичная роспись спускается гораздо ниже карниза, покрывая не только полукупол алтарной апсиды, но и стены ее, украшая не только купол и барабан купола, не только подкупольные паруса и внутренние пролеты подкупольных арок, но и лицевые (обращенные к молящимся) стороны алтарных столбов.

По всему вероятно, когда мы доберемся до изучения мозаик с стороны техники и стиля, мы сумеем ближе определить, к какому именно кругу примыкают мастера-мозаичисты, работавшие в св. Софии. Ведь «византийская» живопись, конечно, не только изменялась со временем, по мере изменения жизненных условий (материальных, религиозных, политических), но представляла довольно пеструю картину и в зависимости от условий географических и этнографических: в разных частях «византийского» культурного мира крепко держались совершенно разные художественные традиции, совершенно разные подходы к живописным проблемам, разные вкусы. Для того, чтобы софийские мозаики выдали нам все секреты происхождения тех мастеров, которые их делали, нужно только основатель-

но промыть их, точно их описать, скалькировать, скопировать и сфотографировать.

По всему вероятию, когда удастся построить легкие леса и приступить к непосредственному изучению мозаик, явственно обнаружится то, что мы пока только подозреваем: что мозаичная роспись в ее нынешнем виде вовсе не есть дело нескольких лет сплошной работы, но что там есть части разновременные, есть поздние вставки и переделки. Когда в бинокль рассматриваешь эти мозаики теперь, то сквозь копоть и пыль во многих местах виднеются швы, уже не говоря о том, что стилистическая неоднородность бросается в глаза.

Но это все дело будущего—будем надеяться: недалекого. В настоящее время мы можем говорить только об одной стороне росписи: о подборе сюжетов. И тут есть многое, что обращает на себя внимание. Надо дать себе отчет в том, что значат именно сюжеты в храмовой росписи: в них систематически изложено все учение церкви, их подбор поэтому был строго регламентирован, каждая мелочь даже имела свой особый смысл, и ясно, что тут художник не мог проявлять личного своего почина или дать волю своему настроению или своей фантазии. Тем более замечательно, что расположение и выбор сюжетов мозаичной росписи св. Софии—т. е. именно наиболее ответственной и видной части всей храмовой росписи—вовсе не соответствует обычной в XI веке константинопольской иконографической схеме.

Говоря о росписи св. Софии, приходится ограничиться почти что одними общими—о, слишком общими!—рассуждениями о сюжетах мозаик, очень мало основываясь на стиле и технике: даже удивительно, что до сих пор мы не имеем ни точного и подробного описания их, ни удовлетворительных фотографий, ни копий. Все, что сделано в смысле копирования, сводится к работам профессора А. В. Прахова, исполненным еще в начале восьмидесятых годов XIX века.

Но, когда речь идет о мозаиках, мы можем говорить хоть о сюжетах. Обратившись к фрескам, мы должны воздержаться даже от этого. При Николае I пришла в голову нескольким киевским «почитателям священной древности» несчастная мысль, что следует привести св. Софию в исправный вид. И так как эти любители старины были, на беду, достаточно высокопоставленные персонажи, то они свой проект смогли осуществить. Старая роспись была «поновлена» так, что почти целиком исчезла, и была заменена новой росписью которая и по сей час красуется в храме. Изготовили эту новую роспись некие благочестивые лаврские старцы, а после них потрудились в св. Софии и о. протоиерей Желтоножский. Кое-где в укромных местах или под поздней побелкой сохранились кое-какие обрывки первоначальных фресок, но этих подлинников слишком мало. Мы теперь стоим перед вопросом о том, нельзя ли посредством очень осторожной очистки освободить из-под мази середины XIX века еще что-нибудь, нельзя ли добиться хотя-бы того, чтобы установить сюжеты первоначальной росписи?

Если верить на слово николаевским иконописцам, они придерживались в выборе сюжетов старины. Возможно, что они этого хотели. Но мы наверное знаем, что они в некоторых местах сочинили отчаянную отсебятину: они, например, заменили групповой портрет княжеской семьи изображениями св. Веры, Надежды, Любви и матери их св. Софии. Есть в новой росписи многое такое, что объяснимо лишь при допущении рабского копирования остатков старины при полном ее непонимании. Как иначе истолковать, что в св. Софии сейчас имеется

на стене изображение «Крещения Богородицы»? Что такой чудовишный сюжет не мог быть придуман в XI веке, не требует доказательств; но трудно допустить и то, что лаврские старцы или софийский протоиерей XIX века сами, без помощи какого-то чудовишного недоразумения, додумались до «Крещения Богородицы»; но что же тогда тут было изображено в XI веке?

Если бы мы знали точно и бесспорно хотя-бы перечень сюжетов всей росписи св. Софии, мы могли бы восстановить на его основании круг тех идей, которыми жили мастера, исполнившие роспись, и которые внушались киевлянам времен Ярослава. В связи с прочими данными, полученными при изучении строительных материалов и приемов, общей архитектурной композиции, стиля мозаик, фресок, скульптур и т. д.—все это могло бы нам дать ответ на вопрос: под чьим воздействием зарождалась русская культура X—XI веков?

Мы издавна привыкли к совершенно нелепой «патриотической» постановке вопросов русской истории: она всегда излагается у нас особняком, как нечто самодовлеющее, вне связи с общей историей средневековой передней Азии и Европы. Хуже того: она и исследуется особняком. Когда мы смотрим на географическую карту восточной Европы, мы ясно видим, что вся эта громадная территория изрезана естественными торговыми и миграционными путями: речными, которые соединяют системы Черного и Каспийского морей с системами Балтийского и Белого морей (Днепр, Дон с Донцом, Волга), и сухопутными, по которым с запада на восток шли славяне, и по которым с востока на запад шли бесчисленные монгольские и тюркские массы. Когда мы читаем русские и иные летописи, когда мы знакомимся с распределением археологических находок, мы узнаем, что с древнейших времен и речные торговые пути были известны и были полностью использованы и греками, и варягами, и арабами, и, вероятно, еще многими иными торговыми предпринимателями, и что сухопутные миграционные пути все время служили для массовых передвижений с запада на восток и с востока на запад. Мы узнаем, что восточные славяне непрерывно страдают от того, что то варяги, то болгары, то хазары, то авары, то печенеги, то половцы, то еще кто-нибудь разоряют страну, удерживая ее на более или менее продолжительные сроки под своею властью. Мы узнаем, что уже первым варяжским князьям приходится—и часто приходится—делать далекие походы то на Дон и Волгу и в Предкавказье, то на Литву и на Польшу, чтобы как-нибудь освободиться от чужеродного ига и обеспечить народу возможность существования. Мы узнаем, что киевские князья находятся в оживленных военных, дипломатических, торговых сношениях со всеми своими соседями. Именно про Ярослава мы узнаем, что он своих дочерей выдавал замуж за иностранных владык—каков, значит, был политический престиж киевского князя, до чего, значит, Киев начала XI века входил в общую систему европейской международной политики, раз далекий французский король считал нужным жениться на киевской княжне, чтобы породниться с киевским князем!

Все это давно и хорошо известно. И тем не менее, средневековая русская история рассматривается и на Западе, и у нас обособленно, как некоторое бесплатное приложение ко всеобщей истории, имеющее чисто местный интерес! А когда речь заходит о древне-рус-

ской культуре вообще или о древне-русском искусстве в частности, то мы доходим до карикатуры: в иностранных руководствах по всеобщей истории искусства древне-русскому искусству посвящается обыкновенно лишь несколько ничего не значащих страниц с очень скудным информационным материалом и с очень поверхностными фразами о том, что-де киевское искусство было провинциальным отпрыском «византийского», а что мол позднее сказывается «романское» (во владимирско-суздальском искусстве), а еще позднее—монгольское (в московскую пору) влияние. Когда вот эти иностранные руководства переводятся на русский язык (как известно, у нас, кроме «Гнедича», своих руководств по всеобщей истории искусства не имеется), русские редакторы переводов считают своим долгом, приличия ради, добавлять от себя особую главу о русском искусстве, отнюдь, однако, не вводя его, разумеется, в общую систему исторического построения,—у читателей получается впечатление, что русское искусство само по себе, в силу своих внутренних качеств, внимания не стоило бы, но, по причинам патриотического, очевидно, свойства, удостоивается высокой, но не заслуженной чести фигурировать наряду с иными ветвями художественной эволюции.

Все это совершенно извращает общую историческую картину. Для того, чтобы получить правильное представление о Киеве XI века, надо, однако, прежде всего изучить все то, что мы получили от этого Киева в наследство. Было бы несправедливо обвинять иностранных ученых в каком-то предвзятом пренебрежении к древней Руси: иностранным ученым неоткуда узнать все то, что им следовало бы знать, ибо мы сами этого не знаем и очень мало делаем для того, чтобы узнать и другим показать и сказать. Сколько раз мне, пишущему эти строки, приходилось выслушивать от иностранцев удивленные вопросы: «Скажите, пожалуйста, почему русские историки искусства занялись исследованием и публикацией памятников Константинополя, Малой Азии, придунайских стран? Русские историки искусства пишут и об итальянском Ренессансе, и о чем угодно другом; но русские историки искусства до сих пор не удосужились дать хотя бы сколько-нибудь удовлетворительную публикацию своих киевских памятников, которая бы позволила ввести эти памятники в научный обиход, найти им место в обще-исторической схеме и использовать их для выяснения мировой истории; неужели памятники Киева не стоят нескольких дюжин фотографических пластинок, нескольких аршин кальки, нескольких месяцев труда?».

В самом деле, получается что-то чудовищное. В большом и культурном городе, в главном городе Украины, стоят редкостные исторические памятники XI—XII веков. Таких памятников на всю Европу очень немного. Некоторые из этих киевских памятников—в том числе св. София—блестяще сохранились. Это не какие-нибудь развалины зданий, а цельные здания, живые здания—с надстройками, конечно, и с перестройками, но без существенных разрушений и искажений; это не фрагменты росписей, а цельные росписи, хотя и с уничтоженными отдельными частями и с серьезными повреждениями. Есть памятники, которые пострадали сильно, но и они—каждый в отдельности—могут дать драгоценные материалы для общесторических выводов, ибо у каждого памятника есть что-то свое, что только он один и умеет засвидетельствовать. Наука определенно нуждается в свежих материалах, ибо без них она топчется на месте и не может ступить ни шагу вперед. А мы ничего по настоящему не делаем, чтобы ввести наши памятники в обще-европейский научный обиход.

Европейцы, конечно, не могут и думать о том, чтобы самим добыть все то, что им нужно, и послать в Киев научную экспедицию в целях изучения и публикации киевских памятников. Но в Петербурге и в Москве начали очень серьезно подумывать о том, что пора взяться за Киев, и начали даже не только подумывать, но и действовать в этом направлении. Только в силу чисто случайных обстоятельств не состоялась экспедиция в Киев уже осенью текущего 1921 года. Весною будем ждать дорогих гостей—может быть, они пойдут нам в нашей беде.

Мы здесь на Украине слишком мало в курсе того, что делается на севере в области исследования и издания художественных памятников прошлого. А между тем, именно в области нашей науки за 1917 и следующие годы произошла с головокружительной быстротой нежданная полная революция.

Памятники древне-русского искусства почти сплошь имеют церковное назначение: архитектуру приходится изучать почти исключительно по церковным зданиям, живопись—по церковным росписям, по иконам, по миниатюрам богослужебных книг, по литургическим вышивкам, скульптуру—по резным деревянным иконостасам, статуям и иконам, по металлическим предметам утвари и т. д. На всем этом до революции лежал более или менее строгий и решительный церковный запрет, ко всему этому приходилось относиться не как к памятникам древности и искусства, а как к святыне, и попытки воспроизвести, изучить, очистить слишком часто разбивались о решительный отказ церковных властей. Революция 1917 года раскрепостила памятники.

В Москве Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Всероссийском Наркомпросе правильно и своевременно учла вот это новое обстоятельство. На правах IV-го отдела Коллегии была учреждена особая Комиссия по реставрации древней живописи и иконописи. В состав этой Комиссии вошли А. И. Анисимов, И. Э. Грабарь, П. П. Муратов, Н. Д. Протасов и др. В июне месяце 1918 года Комиссия приступила к расчистке иконостаса Московского Благовещенского собора—и тут сразу стали открываться совершенно поразительные вещи: ярким светом озарились темные дотоле главы истории русской живописи. Окрыленные этим успехом, ученые работники Комиссии отправились во Владимир. Там, помимо раскрытия трех удивительных икон—Боголюбской, Максимовской и Владимирской, Комиссия нашла в Успенском соборе совершенно никому неизвестные и никем не тронутые фрески XIV века, иначе говоря—Андрея Рублева и его товарища, а в Дмитриевском соборе обнаружили фрески XII века, такого высокого достоинства и стиля, что знаменитая роспись новгородского Спаса-Нередицы рядом с ними кажется жалкою провинциальною мазней. На неделю Комиссия выезжала в Муром, чтобы осветить вопрос о существовании самостоятельной суздальской школы живописи. А потом выделилась экспедиция, которая отправилась в Кирилло-Белозерскую обитель, чтобы заняться Рублевскою иконою Успения Богородицы. Икона оказалась и подлинною, и весьма замечательною,—положительно, Андрей Рублев, о котором везде так много говорится в учебниках и о котором мы в точности так мало знали, стал конкретным историческим деятелем. Не только Андрей Рублев, но еще и Θεοφάν Γрек, Дионисий Глушицкий и многие другие мастера, которыми славилось древнее северное искусство.

Само собою разумеется, что труды Комиссии были правильно оценены властью, которая, в лице Наркомпроса тов. А. В. Луначарского и председательницы Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Н. И. Троцкой, внимательно следила за успехом и неизменно оказывала действительную поддержку. Само собою разумеется, что Комиссии были обеспечены все возможности не только продолжать начатое дело, но развивать его и добиваться дальнейших открытий. В настоящее время Реставрационный п/отдел Главмузея действует в виде ряда отдельных комиссий: Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древне-русской живописи, Комиссии архитектурно-монументальной и местных комиссий—московской Кремлевской, Ярославской, Псковской и Новгородской. Здесь не место распространяться в подробностях обо всех предприятиях Реставрационного п/отдела московского Главмузея. Ни с деньгами, ни с фотографическими, чертежными или живописными материалами и принадлежностями, ни, тем менее, с мандатами никогда никаких задержек не было; имена тов. Луначарского и Н. И. Троцкой ставили работу п/отдела политически выше всяких подозрений и нареканий. В результате, в истории науки о древне-русском искусстве 1918—1921 годы останутся навсегда памятными, как некая новая эра. Теперь Владимирское и Суздальское искусство перестало быть загадкой, Андрей Рублев перестал быть мифом (летом 1920 г. он «выставлялся» в Москве, в залах Строгановского училища), связь между искусством отдельных художественных провинций средневековой Руси стала явною, история русского искусства XII—XIV веков стала возможною. И напишется эта история, само собою разумеется, теперь так, как не снилось нашим до-революционным предшественникам!

Но как писать историю древне-русского искусства без первой главы—без главы о памятниках киевских? Вся Украина представляется москвичам одним сплошным вопросительным знаком. Они должны будут или получить от нас, работников Украины, нечто равноценное тому, что они осуществили у себя, или сами взяться за работу по добыванию материалов. Они должны будут приступить к работам в св. Софии прежде всего; а за св. Софиею последуют великоленские, еще никем не изученные, никем, как следует, не сфотографированные и имеющие, повидимому, совершенно исключительное историческое значение мозаики киевского Михайловского Златоверхого монастырского собора (если только к тому времени мозаики не все осыплются вследствие сотрясений от танков, парк которых в Киеве не сумели поместить ни в каком ином месте, как именно в ограде Михайловского монастыря, в самом центре города); далее, в Киеве москвичам необходимо будет тщательно обследовать тоже неизданные, тоже чрезвычайно значительные фрески Кирилловской церкви; попутно они займутся памятниками менее сохранившимися, но представляющими огромную историческую ценность: Спасом на Берестове, церковью Выдубицкого монастыря и мн. др.

Практично ли дробить силы? Практично ли взыскивать на исследователей, которых ждут громадные работы на Севере у себя, еще и такую работу, которую свободно мы могли бы проделать сами? По-видимому—нет. По-видимому, следовало бы, в интересах дела, использовать имеющиеся в Киеве научные организации и наличных ученых работников. Если бы предоставить Археологической Комиссии киевской Академии Наук некоторые средства (не только в виде денег, но главным образом, в виде необходимых материалов и оборудования),—работа могла бы быть двинута хоть сейчас. Что именно надо

сделать—прекрасно известно всякому; как надо делать—тоже известно: в Киеве имеется именно в данный момент достаточное количество квалифицированных ученых...

Но вернемся к св. Софии.

Необходимая и нам, и иностранной науке монография о св. Софии должна состоять из следующих двенадцати глав:

- 1) Документальная архивная история здания,
- 2) Усадьба св. Софии,
- 3) Материалы и строительные приемы,
- 4) Архитектурная композиция св. Софии,
- 5) Сравнительно-историческая характеристика здания,
- 6) Барочные надстройки и фасады,
- 7) Мозаичная роспись,
- 8) Фресковая роспись,
- 9) Скульптуры,
- 10) Полы,
- 11) Иконостасы и иконы,
- 12) Ризница.

Для того, чтобы эти главы могли быть написаны, необходимо произвести ряд кропотливых изысканий в архиве самой св. Софии, а также в ряде иных хранилищ архивных документов (и в Киеве, и в иных городах; необходимо раскопать усадьбу св. Софии и выяснить тот архитектурный ансамбль, частью которого была задумана св. София; необходимо тщательно обмерить все здание, исследовать его от фундамента до креста над главным куполом, «портретно»-точно зачертить его планы на разных уровнях (горизонтах) и его разрезы по разным сечениям, сфотографировать все те конструктивные детали, которые могут привлечь свет на строительный характер сооружения; необходимо привлечь для сравнения прочие архитектурные памятники средневековья как западного, так и восточного (для чего потребуется собрать некоторую научно-архитектурную библиотеку, каковой в Киеве не имеется, а может быть — и поехать кой-куда, чтобы самим собрать монументальные аналогии к св. Софии); необходимо построить в храме легкие леса, которые дали бы возможность почистить мозаики и детально изучить их со стороны техники и материалов, скалькировать наиболее характерные куски, скопировать их опять-таки «портретно», кубик за кубиком, сфотографировать всякий кусочек; необходимо проделать то же самое и по отношен. к фрескам; тут следует попытаться добыть подлинные фрески из-под новой росписи; необходимо полученный материал подвергнуть сравнительно-историческому исследованию с привлечением и балканского, и константинопольского, и малоазиатского, и месопотамского материала; необходимо очистить, зарисовать, обмерить и сфотографировать скульптурные плиты, имеющиеся в св. Софии (знаменитый «гроб Ярослава» придется выдвинуть из той тесной и темной ниши, куда его задвинули, неведомо почему и зачем, в середине XIX века); необходимо «открыть» целый ряд икон св. Софии, обмерить иконостасы, сфотографировать (может-быть, частью и скопировать) иконы; необходимо поискать под нынешним чугунным полом храма хоть фрагменты прежних полов, существование которых на довольно значительной глубине доказано было раскопками Д. В. Милеева; необходимо, наконец, обратить внимание на богатейшую ризницу св. Софии, которая, правда, особых древностей не содержит, но в

которой есть немало великолепных произведений «прикладного» искусства XVIII и XIX веков.

Программа работ, как видите, немалая. Над всеми этими работами нужно посидеть и посидеть—сналету и в 5 минут тут ничего не сделаешь. Было бы крайне непрактично, взявшись за дело, сделать его как-нибудь, не доделав его, с тем, чтобы потом пришлось дополнять, исправлять и т. д. Вот почему я считаю желательным, чтобы вся работа в св. Софии была исполнена не приезжими людьми, которые по необходимости будут торопиться домой, а людьми, прочно сидящими в Киеве, и систематически работающими над памятником.

Программа работ немалая. По силам ли она? Со стороны научной—без сомнения: если не хватит наличных в Киеве работников, всегда можно будет привлечь специалистов откуда потребуется, ибо на изучение св. Софии всякий историк древне-русского искусства, где бы он ни жил оседло, поедет с удовольствием. По силам ли исследование св. Софии по изложенной выше программе материально? Я думаю, что и разговора о материальной стороне дела не должно быть. А кроме того, я думаю, что расходы на работу не следует представлять себе чрезмерными и пугающими: ученые специалисты наши не избалованы благами жизни и привыкли работать по таким тарифам, на которые не согласится, конечно, никто иной; серьезно платить придется землекопам, плотникам и фотографам, да еще, быть может, живописцам-копистам; лесные материалы по использованию могут быть возвращены тому учреждению, которое их предоставит; фотографические материалы придется оплатить. Дорого будет стоить самое напечатание той монографии, которая получится в итоге всей работы Софийской Комиссии, —но это ведь дело более или менее отдаленного будущего, о котором сейчас загадывать пока-что рано, ибо никто не может предсказать, в каком положении книгопечатание у нас будет через три года.

Но мы сказали, что за св. Софиею должны последовать другие еще памятники. Да, конечно: прежде всего собор Михайловского Златоверхого монастыря и Кирилловская церковь, потому что оба эти памятника имеют первоклассное научное значение. Пугаться тут нечего—во-первых, потому, что самые эти предприятия неизмеримо меньшего калибра, чем исследование и издание св. Софии, а во-вторых, еще и потому, что страшно только начало, пока неизвестно, удастся ли, да что из этого выйдет, да нужно ли вообще начинать. А когда результаты работы Софийской Комиссии уже будут хоть предварительно налицо, тогда дальнейшие предприятия никого уже пугать не будут—как никого в Москве не пугают все новые предприятия Реставрационного п/отдела Главмузея.

На начало работ св. Софии некоторые средства уже отпущены Наркомпросом. Софийская Комиссия Всеукраинскою Академиею Наук организована, под председательством академика профессора Ф. И. Шмита, при участии профессоров Г. Г. Павлуцкого, Н. Е. Макаренко, А. С. Грушевского, В. А. Пархоменко, архитектора И. В. Моргилевского, хранителей 1-го Государственного киевского Музея В. Е. Козловской и Д. М. Щербаковского, инструкторов Губкописа Ф. Л. Эрнста, Г. Ф. Красицкого, Ф. М. Морозова, ученого сотрудника ВУАН О. Г. Гермайзе.

Устав Софийской Комиссии следующий:

- § 1. При ВУАН и под ее общим смотрением учреждается Софийская Комиссия.
- § 2. Софийская Комиссия должна:
- а) произвести все необходимые работы для выяснения строительной истории и нынешнего состояния здания св. Софии,
 - б) сделать раскопки в пределах как усадьбы св. Софии, так и самого здания,
 - в) исследовать мозаичную и фресковую роспись св. Софии со стороны технической и художественно-исторической, выяснить степень сохранности и прочности ее и, в случае возможности и надобности, принять меры к ее укреплению и очистке от позднейших наслоений и искажений,
 - г) выработать проект мероприятий, необходимых для приведения памятника в исправность, проводить этот проект в надлежащих учреждениях и следить за выполнением его,
 - д) обследовать все убранство здания и отдельные памятники старины и искусства, в нем находящиеся, принимать меры к их сохранению и очистке, принять в свое заведывание ризницу, библиотеку и архив Софийского собора,
 - е) исполнить чертежи, рисунки, копии, фотографии, слепки, какие окажутся нужными для научного использования св. Софии в интересах всеобщей истории искусства,
 - ж) произвести все необходимые библиотечные и архивные разыскания для выяснения документальной истории св. Софии,
 - з) публиковать результаты своих работ как в форме лекций и докладов, так и в виде статей и монографий по отдельным вопросам, возникающим при всестороннем исследовании памятника,
 - и) приготовить к изданию и издать общую исчерпывающую монографию о св. Софии.

§ 3. Члены Софийской Комиссии назначаются 1-м отделением ВУАН.

§ 4. Софийская Комиссия из своей среды избирает свой Президиум в составе председателя, товарища председателя и ученого секретаря, кои утверждаются в должности 1-м отл. ВУАН; Президиум созывает Комиссию, подготавливает подлежащие обсуждению материалы, исполняет текущую и административную работу, осуществляет постановления Комиссии, представляет Комиссию во всех случаях, когда это требуется, и отвечает за работу Комиссии перед ВУАН.

§ 5. Перечисленные в § 2 работы распределяются между членами Комиссии, так что каждый ее член ответственен за порученную ему часть.

§ 6. В помощь членам Комиссии и по их представлениям Комиссия избирает ученых сотрудников, коим поручается разработка того или другого специального вопроса; ученые сотрудники присутствуют в заседаниях Комиссии с правом совещательного голоса.

§ 7. Все члены Комиссии вознаграждаются пожизненно за участие в заседаниях; представленные доклады и приготовленные к печати материалы оплачиваются по тарифным ставкам; специальные работы, требующие особого напряжения или особой затраты времени, выполняются на условиях, устанавливаемых договорами, которые по постановлениям Комиссии заключаются Президиумом с соответствующими членами или учеными сотрудниками Комиссии.

§ 8. Президиум Комиссии за свою организационную и административную работу получает постоянное жалование.

§ 9. Софийская Комиссия вырабатывает конкретный план своей работы на каждый предстоящий сметный период и соответственно этому плану представляет через ВУАН на утверждение свою смету.

§ 10. В пределах отпущенных ей по смете средств, Комиссия сама распоряжается кредитами и учитывается в их израсходовании.

§ 11. Комиссия в случае надобности командировует своих членов и сотрудников в другие города Советской Федерации и за границу.

§ 12. Комиссия пользуется техническим аппаратом канцелярии, бухгалтерии и казначейства ВУАН.

§ 13. Софийская Комиссия обязана представлять ВУАН и НКП полугодичные отчеты о своей деятельности.

Для того, чтобы окончательно поставить Софийскую Комиссию на ноги, требуется теперь только одно: чтобы Совнарком У. С. С. Р. издал следующий декрет:

В целях поднятия на должную высоту дела охраны и научного изучения и издания памятников искусства старого Киева, Совет Народных Комиссаров У. С. С. Р. постановляет:

§ 1. Признать за работами учрежденной при Всеукраинской Академии Наук Софийской Комиссии государственное значение.

§ 2. Поручить Софийской Комиссии:

- а) подробно исследовать, описать, воспроизвести и издать как самое здание Софийского собора в Киеве с его усадьбою, так и его роспись, скульптуру, украшения и оборудование, архив, библиотеку и ризницу,
- б) выяснить меры, необходимые для поддержания и подкрепления здания во всех его частях,

§ 3. Предписать киевскому ГубКомгосору

- а) снабжать Софийскую Комиссию всеми необходимыми для выполнения ее заданий материалами и рабочей силою,
- б) в случае необходимости ремонта и укрепления здания выработать по заданиям Софийской Комиссии детальный план и смету потребных работ.

§ 4. Всеукраинской Академии Наук иметь общее смотрение за работами Софийской Комиссии и доносить о ходе их Народному Комиссариату Просвещения.

Киев.

Феодор Шмит.

О доселе неизвестном описании России времени Иоанна Грозного.

Из иностранных источников, касающихся России XVI стол., мы до сих пор имели: записки Герберштейна, немецкого посла, бывшего в Московии при Василии III; послание Таубе и Крузе, ливонских дворян, перешедших было на русскую службу во время Ливонской войны, и описание Московии иезуита Антонио Поссевина, папского посла, бывшего в России при Иоанне Грозном. Теперь оказывается, что в Ганновере, в государственном архиве, хранится рукопись XVI в., содержащая новое для нас, до сих пор неизвестное описание России времени Иоанна Грозного. Принадлежит оно некоему Генриху фон-Штадену, уроженцу города Алена в Вестфалии. Об этом, во всяком случае интересном для нас, новом источнике мы узнаем из статьи *Макса Бера* (Max Bär), напечатанной в немецком журнале „Historische Zeitschrift“ за 1917 г. (3-te Folge, 21 Band). Еще лет двадцать тому назад Макс Бер снял копию с рукописи Штадена, но только теперь нашел возможным опубликовать сведения о ней. Объясняет он это недосугом—был отвлечен другими работами,—а кроме того, данный момент—время мировой войны—казался ему удобным, ибо, по его словам, и в России к моменту мировой войны многие черты—те самые, что и в XVI ст., в описании Штадена. К сожалению, Макс Бер ограничивается местами очень кратким изложением содержания этого описания или выдержками, содержащими подробности, для нас менее интересные.

Штаден (он сам сообщает свою биографию в начале своей записки) происходил из бюргерской семьи, готовился к духовному званию, но рано должен был покинуть родительский дом, направился в Ливонию, испытал целый ряд приключений и бежал в Россию, чтобы поступить на службу к великому князю, как титулует Штаден Иоанна Грозного. Было это в 1558 г. Штадена препроводили в Москву и опросили, назначили содержание и представили царю, когда тот шел из церкви. Иоанн пригласил Штадена „быть гостем“, оказал ему разные милости и потом принял его в свою опричнину (Aprisna, как называет ее Штаден). Там, в Москве, Штаден столкнулся со своими соотечественниками-немцами, имел много неприятностей, между прочим и с известными уже нам ливонскими дворянами Таубе и Крузе. Ежедневно бывал при дворе, но держался осторожно, ибо „кто был близко к вели-

кому князю, тот обжигался, а кто был далек от него, тот замерзал". Пробыв в Московии лет 14 и чувствуя себя не в безопасности, Штаден ее покидает, что было делом нелегким.

Описывая Россию того времени, Штаден касается управления, военного дела, учреждений московских; ярко рисует взяточничество, всюду царившее, говорит об учреждении опричнины, которая была, по его словам, „его“, Иоанна, а земщина—остальной народ. Подробно описывает жестокость Иоанна, расправу с Новгородом и Псковом. Относительно последнего между прочим сообщает, что там живет мужик Микула, один, без жены и детей, имеет много скота, который всю зиму ходит во дворе, по навозу, растет и множится; Микула богатеет и предсказывает русским будущее. Великому князю, прибывшему к нему во двор, он сказал: „Довольно, иди домой!“ И великий князь послушался; убийства и грабежи прекратились.

Очень жаль, что автор статьи в *Historische Zeitschrift*, Макс Бер, не дает подробностей из дальнейшего описания России—местного управления, обычаев, сообщения цен на продукты.

Но записка Штадена содержит не только описание России времени Иоанна Грозного. В ней находится и любопытный план похода на Московию. Самое описание служит политической цели: оно должно показать, что завоевание России—дело легко осуществимое, а страна богата природными ресурсами и из нее можно извлечь доходы; надо ее населить и просветить русских истинною христианскою верою. Самый план похода весьма оригинален: его надо предпринять, по мнению Штадена, морским путем, собрать флот (корабли, предполагалось, дадут разные, даже нейтральные страны), обогнуть Нордкап, Лапландию и войти в Белое море (англичане перед тем еще открыли этот путь); указывается, какою дорогою, через какие города идти к Москве, которую можно взять без сопротивления. Войска много не потребуется: оно необходимо только для гарнизонов в занятых городах; Россия так истощена войнами с соседями и жестокой тиранией Иоанна, что об открытом сражении нечего и думать. И Штаден не сомневается в успехе предприятия. Завоевание России, по его мнению, необходимо, дабы предотвратить на будущее время опасность—как бы не образовалось на Востоке могущественное осударство, которое может угрожать Западной Европе.

Свою записку Штаден представил тогдашнему германскому императору (Максимилиану II). Надо заметить, что план Штадена не стоит одиноко: он находится в связи с проектами одного из немецких князей, пфальцграфа Георга Ганса, графа Фельденцского, тоже мечтавшего о морском походе на Россию.

Таково содержание нового для нас известия иностранца о России времени Иоанна Грозного. Подробнее о записке Штадена я говорю в другом месте.¹⁾

В. Бузеснул.

¹⁾ В „Анналах“ (журнале всеобщей истории, изд. Российской Академией Наук, кн. 1.

Административное районирование на Западе.

§ 1. Общие замечания.—§ 2. Районирование естественное: в Северо-Американских Соединенных Штатах, Швейцарии и Аргентине.—§ 3. Районирование искусственное: в романских странах.—§ 4. Искусственное районирование в исторических границах: в Англии и Пруссии.—§ 5. Заключение.

§ 1. Среди вопросов управления одним из наиболее важных является вопрос о разделении государства на администр. районы.¹⁾ Последние составляют интегральную часть государства и неразрывно связаны с общей системой государственного управления. Современное государственное управление расширено до чрезвычайных размеров; в пределы его ведения постепенно включаются все новые и новые области народной жизни, в которых прежде единодержавно господствовали частные интересы. В таких государствах, — к тому же по своим размерам являющихся громадными политическими телами с территорией в десятки или даже сотни тысяч квадратных верст и с населением, исчисляемым десятками или даже сотнями миллионов жителей, — невозможно разрешать все вопросы управления при посредстве органов, находящихся в центре. По необходимости на местах необ'ятной государственной территории должны создаваться органы управления с более или менее ограниченным районом их деятельности. Таким образом, в самых свойствах современного управления и в размерах государств лежат основания для административного районирования.

По способу возникновения административные районы бывают двух видов: естественные и искусственные.

Первыми по времени образования и естественными административными районами являются поселения. Их образование относится к древнейшим временам истории, ко времени перехода человечества от кочевого быта к оседлому. Исследование законов образования поселений не относится, собственно, к юриспруденции, составляя предмет социологии.²⁾

Постепенно между такими естественными административными районами и государством создаются, в силу государственных законов, посредствующие искусственные районы, для выполнения тех или иных задач управления. Процесс образования искусственных административных районов, различно называемых у разных наций, различен, как различны их размеры, полнота полномочий, возлагаемых на их представителей, у различных народов, отражая на себе особенности их экономического быта, исторических влияний, психологии народа и иных т. п. факторов. Тем не менее, в виду общности культуры современных европейских наций, развивающегося их общения и возникающего отсюда подражания отсталых наций передовым, наблюдаются в процессе образования административных районов общие тенденции, которые можно признать за основные в данном вопросе.

В зависимости от целей учреждения административных районов, последние бывают двух видов: 1) административные районы общего характера, преследующие, так сказать, универсальные административные цели.

¹⁾ Don Eduardo Gimenez Valdivieso. *Circonscripciones administrativas*; crp. 1.

²⁾ Проф. Orlando. *Principii di diritto amministrativo*; crp. 135—144.

тивные задачи, и 2) административные районы специальные, учреждаемые для специальных административных целей, напр.: школьные округа, почтовые округа и т. п. Последний вид административных организаций, наиболее распространенный в Англии, является продуктом более новой эпохи, и постепенно целевые союзы начинают получать все большее развитие в европейских государствах,¹⁾ ослабляя значение административных районов универсального типа. В настоящем очерке мы не имеем в виду касаться административного районирования, преследующего специальные административные задачи, ограничив свое исследование административными районами, так сказать, универсального типа.

Современные административные районы универсального типа в культурных государствах, по способам их образования, могут быть разделены на три вида:²⁾

I. Административные районы, образовавшиеся путем исторических процессов, являющиеся реализацией социальных и политических целей; таковы административные деления в Северо-Американских Штатах, в Швейцарии и провинции Аргентины.

II. Второй, противоположный им тип, представляют административные деления, создаваемые волею законодателя, в целях разрешения определенных, стоящих перед ним, задач, когда соображения исторического свойства не имеют доминирующего значения. Таковы административные деления, произведенные на континенте Европы по преимуществу в романских странах: Франции, Италии, Испании, Португалии, Бельгии, а также в Голландии и других государствах.

III. Наконец, третий вид делений, средний между двумя вышеупомянутыми, представляют административные районы, учрежденные хотя и особыми специальными законами, но с соблюдением ранее возникших естественных делений страны; таковы деления Англии и бывшей Германской империи.

Различия в порядке возникновения административных районов соответствуют дальнейшим различиям в особенностях организации их представительства и в полноте полномочий, которые им предоставлены.

§ 2. Административные районы, возникшие естественным, историческим путем, как деления Швейцарии, Северной Америки и провинции Аргентины, наделены наибольшею полнотою правомочий. В этих странах режим свободы частей получил наибольшее выражение, и в них связь административных частей государства с целым покоится на началах федерации. Кантоны Швейцарии, провинции Аргентины и Штаты Северной Америки имеют особую конституцию и осуществляют самостоятельную публичную власть, действуя на основании соглашения о конфедерации.³⁾

Швейцарские, напр., кантоны действуют с полной независимостью внутри их территории, осуществляя не только права исполнительной власти, но даже законодательной и судебной, со всеми ее атрибутами в вопросах полиции, культа, народного образования, содержания дорог, взимания налогов и путей сообщения. Соответству-

¹⁾ W. Eggenschwyler — Zürich. Die Krise der sozialen Gruppierung und der Neuaufbau der europäischen Staatenwelt, Schmollers Jahrbuch 1916 г., стр. 384—385.

²⁾ Don Eduardo Gimenez Valdivieso; стр. 15.

³⁾ Названные районы рассматриваются, как административные образования, в соответствии с воззрениями, выраженными цитируемыми авторами: проф. Orlando, Harrish, Fairlie, Don Eduardo Valdiviez.

ющее явление наблюдается в Аргентине и Штатах Северной Америки. На основе такой свободы создается значительное разнообразие и даже противоречие в правовых нормах, действующих в различных местностях государств, вызывая необходимость в принятии чрезвычайных мер для согласования местного правотворчества.

Швейцария, например, разделена на 25 суверенных кантонов, и каждый кантон организует по-своему свои административные районы—общины.¹⁾ Поэтому чрезвычайно затруднительно дать общее описание организации Швейцарского управления. В Швейцарии можно наметить три типа организации управления в нисших административных районах—в общинах.

1. Романские кантоны: Фрейбург, Женева, Невшатель, Тессин, Ваадт, Валлис, в значительной мере заимствуют французское право и имеют широко-практикуемый государственный надзор над жизнью общин, и, таким образом, в них автономия общин имеет ограниченные пределы. 2. Противоположность им представляют населенные по преимуществу немцами кантоны центральной или старой Швейцарии: Ури, Швиц, Унтервальден, Верхний и Нижний Люцерн, Цюрих, Гларус, Цуг, Аппенцель, Ауссерроден, Иннерроден, Ааргау, Тургау, которые представляют широкую автономию коммунам, ограничивая до минимума государственный надзор. 3. Базель, область и город, Берн, Золотурн, Шаффгаузен, Сан-Галлен и Граубюнден имеют население смешанное, и здесь режим в отношении коммун представляет средний тип между описанными двумя крайними.

Равным образом местная администрация в Соединенных Штатах Северной Америки не регулируется никакими законами общегосударственного свойства, но каждый из сорока пяти штатов управляется независимо.²⁾ Вследствие этого происходит неизбежное разнообразие в организации и пределах власти администрации Соединенных Штатов.

Наиболее общим типом административного района в каждом штате Северной Америки является графство (the county). Каждый штат разделен на округа, называемые графствами, исключая штата Луизиана, где соответствующие округа называются приходами (the parish). Нисшим видом административных районов являются: поселки, местечки, муниципалитеты. При всем разнообразии организации и пределов полномочий, все же организация графств во всех штатах представляет некоторые черты сходства. Всего во всех штатах Северной Америки насчитывается около 3000 графств. Многие из больших штатов имеют от 60 до 100 графств каждый. Как исключение, Техас имеет 243 графства, а с другой стороны, как исключение в другую крайность, Island имеет 5, а Delaware—3 графства. Количество населения в графствах также весьма различно; большинство графств по размерам значительно меньше английских графств, департаментов Франции, провинций Пруссии, Бельгии, Италии и Испании. Около двух третей графств имеет площадь территории от 300 до 900 квадратных миль, а более обыкновенной является площадь от 400 до 650 квадратных миль. Более половины графств имеет население от 10.000 до 30.000 жителей, но в северных штатах более половины графств имеют свыше 50.000 жителей, в то время, как в южных штатах многие графства имеют менее 10.000 жителей. Девять десятых графств являются сельскими, но значительное число графств имеет

¹⁾ Otto Schoch. Die Gemeindeautonomie in der Schweiz, стр.; 3.

²⁾ Проф. John A. Fairlie. County administration in the United states; стр. 4.

громадные города, например, город Нью-Йорк включает четыре графства и т. д. Во многих из городов администрация графств поглощается администрацией городов. Незначительный размер графств сообщает им менее важное значение в различных отраслях управления, чем это наблюдается на континенте Европы, но, с другой стороны, крайне децентралистический характер организации управления Америки имеет своим последствием то, что многие должностные лица выбираются графствами.

Описанный режим, с широкой автономией, не подходит к нашему государственному укладу, основанному на принципах „демократического централизма“, поэтому мы можем не подвергать дальнейшему анализу административное деление названных стран.

§ 3. Более соответствует условиям нашей украинской действительности система административной организации, принятая в централистических странах Европы: во Франции, Италии, Бельгии, Испании, Португалии, Голландии и т. п.

В этих, по преимуществу романских, странах современное административное деление осуществлено после Первой Французской Революции, в значительной мере под влиянием идеологии, унаследованной отчасти от римлян, отчасти же сложившейся во времена и под влиянием революции.

Римское отношение метрополии к провинции в достаточной степени выражалось самым названием: провинция, от латинского слова *pro* и *vincere* или *proventus*—продукт, рента. В соответствии с этим, римляне рассматривали провинции, как области, подлежащие эксплуатации и подчиняли их абсолютной регламентации со стороны Сената или иных органов, действующих по его делегации; с провинциями они особенно не считались.

Во времена Первой Французской Революции отношение к местному управлению слагалось также неблагоприятно. Во Франции происходила борьба двух течений: децентралистического или даже сепаратистического, находившего сторонников среди приверженцев старины, и централистического, находившего приверженцев среди революционной буржуазии. Победило последнее течение, которое не могло примириться с существовавшим во Франции административным делением. Существовавшее до революции деление Франции на 32 могущественных провинции, наделенных феодальными вольностями, разлагало государство на ряд как бы самостоятельных государств, в виде федеративных организаций.¹⁾ Королевская власть с давних времен боролась с этими вольностями, стремясь установить как политическое, так и административное единство, но установить последнее ей оказалось не под силу. Это же стремление к установлению административного единства вдохновляло и деятелей Первой Французской Революции в их преобразовательных стремлениях в отношении административного деления. Эти взгляды, между прочим, были высказаны Туре (Thouret) с трибуны в его речи в ноябре 1789 г.: „Не будем отчаиваться. Настанет день, когда национальное направление, лучше оформившись, и все французы, соединившись в одну семью, имеющую один только закон и один только способ управления, осудят все предрассудки, направленные в пользу частных и местных корпораций; Конституция должна предвидеть, вызвать и облегчить это прекрасное движение, которое сделает французскую нацию первой и наиболее счастливою нацией в мире“.

¹⁾ Проф. М. F. Laferrière. *Histoire des principes et des institutions de la Révolution Française*; стр. 33.

Под влиянием этих идей, законом 22 декабря 1789 г. было стерто прежнее деление французской территории. Провинции потеряли даже свое прежнее название, как они потеряли уже свои привилегии; было декретировано деление страны на департаменты, округа, кантоны, муниципалитеты; особенности местные и провинциальные обычаи должны были ступеваться перед законодательною волею. Франция с этого момента перестает быть соединением провинций и различных народов; она является отныне только территорией, территорией французской и имеет только один народ, народ французский;¹⁾ упомянутый закон содержит соответствующие вдохновенные слова: „Национальная Конституция и общественная свобода, будучи более важными для провинций, чем привилегии, которыми некоторые пользуются и пожертвование которыми необходимо в интересах полного объединения всех частей империи,—декларируют, что все частные привилегии провинций, принципалов, местностей, кантонов, городов и объединений граждан, какого бы характера они ни были, отменены безвозвратно и будут слиты в общих правах французов.“²⁾ По поводу этого закона Людовик XVI произнес в Национальном Собрании в знаменитом заседании 4 февраля 1790 г. следующие слова: „Это одинаковое деление и мудро мотивированное, ослабляя старые разделения одной провинции от другой и устанавливая общую систему и выражение равновесия, соединяет преимущества единства духа и единства интересов всех частей государства; и этой великой идее, этому счастливому ее отражению всецело обязаны вам“.

Не сразу, однако, новое административное деление Франции установилось. Оно претерпело еще несколько изменений, но основные идеи нового деления Франции остались именно эти, нами приведенные, и они влияли на установление новых административных делений в романских странах Европы.³⁾

Современное административное деление Франции основывается на законе 1791 года; согласно ему, Франция разделена, вместо прежних 32 провинций, на 86 департаментов, одинаковых по размерам территории и по количеству населения. Каждый департамент имеет приблизительно 425.000 жителей и площадь территории в 6000 кв. километров. За Францией и в подражание ей последовала Испания, и ныне действующим законом 30 ноября 1833 года, вместо прежних 12 административных районов, разделила страну на 49 провинций, также почти равных по величине: в каждой провинции—346.000 жителей, площадь территории—10.000 километров. Далее, не осталась без подражания маленькая Бельгия; законом 30 апреля 1836 года, вместо своих четырех частей: Фландрии, Брабанта, Линсбурга и Люксембурга, страна разделена на 9 провинций. Тому же примеру последовала Италия; законом 20 марта 1865 года Италия разделена, вместо прежних 12 административных районов, на 70 провинций. Подобные же изменения в районировании начали происходить и в других европейских государствах: Португалии, Голландии и даже некоторых западных местностях Германии.⁴⁾

Наряду с разделением государств на такие административные районы, так сказать, первого вида, обыкновенно, одновременно с ним же, производилось дробление административных районов первого ви-

¹⁾ Проф. M. F. Laferrière. Ibid.

²⁾ Décr. du 11 août 1789. art. 10.

³⁾ Don Eduardo Gimenez Valdivieso. Ibid стр. 6.

⁴⁾ Проф. Fleischmann. Wörterbuch, des Deutschen Staats und Verwaltungsrechts. Bd. I. Vg. 21—30, стр. 450.

да на округа, а округов—на коммуны. Существующие между округами и коммунами особые, так сказать, четвертого вида деления, подрайоны, называемые, во Франции—кантонами, в Италии—мандаментами, могут не приниматься нами во внимание, так как они являются почти исключительно судебными и отчасти полицейскими районами, а не общедминистративными. Что касается административных делений второго и третьего вида, то организация их в вышеуказанных централистических странах была также однородна. Для краткости мы ограничимся описаниями районирования второго и третьего вида только во Франции и Италии. Административным районом второго вида во Франции являются округа; всего их насчитывается ныне 363, с числом жителей в каждом приблизительно около 100.000 человек и с площадью территории 1.500 кв. кил. В Италии число округов 284, с числом жителей в каждом около 150.000 человек. Третьим и последним видом административного деления являются коммуны. Всего во Франции коммун свыше 36.000, с населением в каждой приблизительно около одной тысячи человек. Коммуны в Италии соответствуют по своей организации и размерам французским. Большие коммуны могут в этих странах подразделяться на секции, а слишком мелкие—объединяться в союзы. Большие города, как Париж, Рим и др., выделены из общих административных районов в самостоятельные городские районы.

Предоставляемые в этих централизованных странах полномочия органам представительства административных районов весьма схожи. Это сходство простирается так далеко, что ныне действующие основные законы о местном управлении (во Франции—закон 10 августа 1871 года, в Бельгии—30 апреля 1836 года, Итальянский закон 20 марта 1865 года, Испанский—29 августа 1882 г., Португальский Административный Кодекс 17 июля 1884 года), отражают идеи как бы одного законодателя, одержимого намерением упразднить всякое зерно автономии,¹⁾ а также существования административных районов, как самостоятельных корпораций, и абсолютно подчинить их центральной власти.

Во всех этих государствах существует на местах делегат центральной власти, различно называемый в разных странах: префект, губернатор и т. п. Он наделен высшею властью, при нем имеется совещательное административное учреждение. Центральным учреждениям данного района противопоставляются местные учреждения района: избираемое населением собрание, являющееся органом представительства района; собрание из своей среды выделяет Комиссию для представительства и отправления текущей работы; однако такая Комиссия является лишь только совещательным учреждением при представителе центральной правительственной власти в данном районе, и вообще власть местных представительных учреждений является до крайности ограниченной в романских странах.

Сущность этих ограничений сводится к следующему: Провинциальные собрания созываются только особым декретом и притом только два раза в год. Исключения из этого правила, в виде созыва экстренных собраний, могут последовать, в виде исключения, также по особому лишь декрету. Решения собраний могут быть приостановлены или даже отменены центральной властью. Многие, необходимые для административного района, кредиты, чтобы стать актуальными, нуждаются в одобрении высшей власти. Постановления собраний могут быть выполняемы только с санкции представителя центральной власти.

¹⁾ S. Montagu Harris, M. A. Problems of local government p. 90.

Только перечисленных ограничений, не говоря уже о других, достаточно, чтобы судить о тех правах, которые принадлежат местным органам административных районов. Постепенно, однако, в этом суровом и жестоком централистическом режиме пробиваются бреши, и принципы свободы и автономии административных районов находят все большее и большее число сторонников и в романских странах.¹⁾

§ 4. Средний тип между двумя описанными крайними: естественного и искусственного районирования, представляет система Англии и бывшей Германской империи; в этих странах административные районы учреждались в порядке законодательном в значительной мере в прежних исторических границах.

По ныне действующему в Англии закону 1888 г., страна разделяется на графства и города с правами графств. Всего в Англии—68 графств; городов с правами графств—74; следовательно, итого административных районов первого типа— $64+74=142$ административных единицы. Площадь территории таких административных единиц очень различна. Величина их колеблется в графствах от 53464 акр., минимум, до 1.673.473 акра, максимум, а в городах с правами графств величина площади колеблется от 1.946 акр, до 23.662 акров. Равным образом не одинаково и количество населения; в графствах—от 19.709 человек до 1.389.176 человек, не считая города Лондона с 4.536.429 жителей. В городах же с правами графств население исчисляется от 24.899 жителей, минимальной, до максимального—704.134 жителей. В настоящее время городам предоставляются права графств только в том случае, если города имеют более 50.000 жителей.

Административными районами второго вида являются сельские и городские округа (Rural District Council and Urban District Council), созданные законом 1894 г. Таких округов имеется: сельских—680 и городских—785 или всего—1465. Население в них неодинаково: в сельских местностях колеблется от 1.800 человек (минимальное) до 57.000 человек (максимальное). В городских округах площадь минимальная от 25 акров до 25.582 акров максимальная. В сельских округах величина площади различна: от 2.500 акров (минимальная) до 150.000 акров (максимальная).

Административным районом третьего и последнего типа являются приходы. Они бывают двух типов: 1) приходы, представляемые приходскими Советами; это приходы с населением свыше 300 человек; и 2) приходы, представляемые собранием прихожан, это приходы с населением менее 300 человек.²⁾

Английское графство, с одной стороны, является политико-административным округом, а с другой—чисто административным районом. Как политико-административный орган, он ведает делами полиции, уголовной юрисдикцией и налогами. Эти функции отправляются шерифом, коронером, мировыми судьями и лордом-лейтенантом; на отправление ими своих обязанностей оказывается громадное и местное влияние. В качестве чисто административного округа графство пользуется совершенною автономиею и ведает делами, касающимися местных интересов. Органом, представляющим графство,

¹⁾ Em'm. Greppi. La vita e le opere dell' associazione delle commune Italiane стр. 17—19.

Rapport présenté par le Conseil municipal à la Première Section du Congrès International des Sciences Administratives à Bruxelles. De l'organisation générale de l'administration locale стр. 1—7.

²⁾ Papers on local Government in England, Wales and Scotland, submitted to the Congress through the British Committee.

как административную единицу, является Совет графства. Организация полиции в графстве вверяется особому Комитету (Standing Joint Committee), состоящему из членов графского Совета и народных судей. Округа ведают общественным здоровьем, санитарией, снабжением водой, строительным делом, дорогами, общественными парками, книготорговлей, банями, музеями, постройкой домов для беднейших классов и т. п. местными делами. Главным органом представительства округа, пользующегося также большою автономиею, является окружной Совет. К ведению приходов относится поддержание местных путей сообщения, освещение и т. п. местные дела.¹⁾

Своеобразно была районирована б. Германская империя. По ее Федеральной Конституции, форма администрации, принятая каждым из отдельных, входящих в ее состав, государств, «должна уважаться». Установленный, однако, в Пруссии режим получил значительное распространение, являясь в некоторых отношениях идентичным с общеперским.

До войны организация административного районирования Пруссии была в различных частях б. королевства неодинакова, сохраняя следы исторических наслоений. Пруссия была разделена на провинции, провинции—на округа, округа—на уезды, уезды—на волости и последние—на общины.

Начало организации прусских провинций было положено законом 30 апреля 1815 года, в числе десяти. Впоследствии завоеванные земли присоединялись к Пруссии, также в качестве самостоятельных провинций. Таким образом, число провинций возросло, и перед войной, не считая Берлина и Гогенцоллерна, Пруссия была разделена на 12 провинций, являвшихся в большей мере органами политического и экономического представительства, а не местного самоуправления.

Среднее количество жителей приходилось на 1 провинцию в размере 3 миллионов, но колебания в количестве жителей по различным провинциям весьма значительны. Провинции разделялись на округа (Bezirke). Округов было до войны 36; таким образом, каждая провинция должна бы в среднем состоять из 3-х округов, но в действительности число округов в провинциях было весьма неодинаково. Максимальное число, по 6-ти округов, было в провинциях: Ганновере, Гильдесгейме, Лüneберге, Штаде, Оснабрюке, Аурихе, и минимально—вся провинция совпадала с округом—в Гогенцоллерне.

Количество жителей округов насчитывалось в среднем немного более 1.000.000 человек, но по различным округам число жителей было весьма неодинаково.²⁾ Западные округа Пруссии были образованы под значительным французским влиянием и по своим небольшим размерам соответствовали французским департаментам. Все округа, исключая Гессен-Нассау, являются чисто правительственными округами, но не являются, в то же время, как провинции или уезды или коммуны, коммунальными союзами, т. е. хозяйственными организациями.

Округа разделяются на уезды (Kreisbezirke). Уезды были союзами с правами юридических лиц. Из уездов выделялись в самостоятельные единицы города, с количеством жителей свыше 25.000 человек. Всего в Пруссии было 487 уездов и 106 самостоятельных городов,

¹⁾ J. W. Willis Bund. English Local administration, стр. 176.

²⁾ Например; в округе Дрюссельдорф насчитывалось свыше 2,9 мил. жителей; в округах: Эрфурте, Штаде, Оснабрюке, Аурихе и Штральзунде только по 497, 403, 348, 251 и 290 тыс. жителей.

выделенных из уездов, итого—593 единицы, причем до войны наблюдалось быстрое возрастание числа самостоятельных городов, в виду возрастания городского населения. Среднее количество населения уезда колебалось между 50 и 60 тысячами жителей, хотя от этой средней величины были значительные отклонения: имелись уезды, где число жителей достигало 200 тыс. человек.

Каждый уезд подразделялся на волости. По общему правилу, выраженному во время дебатов в Прусской Палате Депутатов, за норму населения для волости должно быть принято 3.000 жителей. Фактически, однако, размеры волостей также неодинаковы; так, самая большая из прусских волостей, Цабрце, насчитывала 86.051 жителей. Некоторые волости состояли из одной общины, другие же, напротив, имели несколько общин.

Отличительными особенностями организации представительства административных районов Пруссии являлось сочетание в них бюрократического и технического элемента с выборным. Представителем центральной власти в прусских провинциях до войны был Обер-Президент; он назначался на должность королем. При нем состоял находящийся под его председательством Провинциальный Совет, состоящий из административного чиновника и избираемых Провинциальной Управою членов. Представителем местных интересов в провинции был Ландтаг, состоящий из избираемых населением депутатов. Ландтаг избирал Провинциальную Управу и земского Директора, подлежащего утверждению в должности королем. Провинциальная Управа и, под ее надзором, земский Директор, ведали делами провинциального самоуправления.

Соответствующие начала были в организации представительства округа, с теми изменениями, которые вытекают из того обстоятельства, что в округах в Пруссии сосредотачивались лишь дела, так называемого, государственного управления, но не местного самоуправления.

В уездах органом центрального управления являлся замещаемый королем, по представлению Уездного Собрания—Ландрат. Органами уездного самоуправления являются Уездное Собрание и Уездный Комитет.

Волости Пруссии также являлись, главным образом, районами административного, полицейского, а не местного самоуправления. Органами волости были: Волостной Старшина, назначаемый Обер-Президентом провинции, и выборный Комитет из представителей от общин и владельческих вотчин, входящих в состав волости.

Представительство общин в Пруссии было различно организовано в различных провинциях. Обыкновенно органом представительства был или общинный сход или общинное представительство. Исполнительные функции возлагались на старосту и шеффенов, его заместителей и помощников.

Органами городского представительства являлись собрания гласных и магистрат, состоящий из бургомистра и членов, избираемых собранием гласных.¹⁾

§ 5. Административные районы в большинстве современных государств учреждаются постановлениями законодательной или, во всяком случае, центральной власти. Изменение в составе районов допускается также лишь с разрешения соответствующей власти. Исключения

¹⁾ Проф. А. И. Елистратов. Основные начала административного права; изд. 1917 г., стр. 184.

Сравнительная ведомость административных районов.

Названия государств	Областные районы	Административные районы 1-го вида	Административные районы 2-го вида	Административные районы 3-го вида	Административные районы 4-го вида
Франция	Соответствующих районов нет	Департамен. Число район. 87 Средн. число жит. 425.000 Площадь кв. к. 6.000 Колеб. в чис. жит. Колеб. в пл.	Округа Число район. 363 Средн. число жит. 10.000 Площадь кв. к. 1.500 Колеб. в чис. жит. Колеб. в пл.	Коммуны Число район. 37.187 Средн. число жит. 1.000 Площадь кв. к. 1,5 кв. кид.	Соответствующего деления не имеется
Италия	Т о ж е	Провинции 70 500.000	Округа 284 Около 15.000	Коммуны Точных сведений не имеется	Т о ж е
Англия	Т о ж е	Графства 146 (из них сел. 68 и гор. 78) От 19.709 до 1.389.176 От 140 до 4.140 кв. в.	Округа 1465 (из них с. 680 и гор. 785) От 10.000 до 50.000 Верхн. от 150 до 650 кв. вер.	Приходы В большин-стве 1.000 не имеется	Т о ж е
Северо-Американские Соединенные Штаты	Т о ж е	Штаты 45 Менее 1.500.000	Графства 3.000 От 10.000 до 50.000 Верхн. от 150 до 650 кв. вер.	Поселения Точных сведений не имеется	Т о ж е
Украина	Т о ж е	Губернии 12 2.187.808 34.004 кв. в.	Уезды 102 257.389 4.000 кв. в.	Волости 1.989 13.139 205 кв. в.	Точных сведений нет
6. Прусское королевство	Провинции 12 провинц. 3.000.000 жит.	Округа 36 1.000.000	Уезды 593 (из них сел. 486 и гор. 106) От 50.000 до 60.000	Волости 3.000	Т о ж е

существуют в странах демократического строя. В этих последних государствах изменения даже в таких крупных административных организациях, как графства Северной Америки, допускаются по свободной воле населения графства: например, в штате Георгия графство может быть закрыто или присоединено к соседнему графству в силу решения, постановленного двумя третями голосов всех избирателей графства.

Общий процесс эволюции права направляется в сторону сообщения административным районам прав юридического лица, хотя не все еще районы наделены таковыми правами, например: во Франции, Италии и Пруссии чисто административные районы, организованные исключительно для правительственных целей, а не для самоуправления, этими правами не пользуются; таковы: округа и кантоны Франции, соответствующие районы в Италии, округа и волости в Пруссии и т. п.

Система административного районирования в современных государствах имеет тенденцию к трехстепенному делению, с явно выраженной тенденцией к установлению административных районов более мелкого размера, чем это наблюдалось в феодальную эпоху. При этом в большинстве западно-европейских государств оказывали влияние на установление размеров административных районов соображения двоякого рода: стремление к созданию единого и неделимого государства, а с другой стороны—соображения чисто административно-технического свойства: удобства выполнения административных функций. Принимались во внимание при районировании и соображения экономического порядка, но они занимали второстепенное, подчиненное значение.

Таковы принципы административного районирования в современных территориальных или капиталистических государствах. В государствах феодального типа были свои начала районирования. Как правильно замечает проф. Наглюц, феодальный режим имел отличительные особенности в том, что при нем действовали не общеобязательные законы, а привилегии, находившие часто основание исключительно в настроениях главы государства. Соответствующие же начала наблюдались в феодальную эпоху и в отношении административного районирования, причем административные районы феодальной эпохи нередко сами превращались в суверенные организации, разрывая суверенитет центральной власти в различных юрисдикциях районов меньших и независимых. Общины были совокупностью организаций, наделенных как бы суверенными правами, которые они защищали против императора и против других властей.¹⁾

В настоящее время можно видеть некоторую аналогию с этим в государствах федеративного типа. В них также права суверенитета исходят не от одного государственного центра, но некоторые из суверенных прав принадлежат определенным частям государственной территории, как то: кантонам Швейцарии, штатам Северной Америки.²⁾

Государство будущее, социалистическое, несомненно будет следовать своим особым началам административного районирования. Это государство, по преимуществу, будет выполнять экономические функции; функции политические в нем «замрут».³⁾ Поэтому естественно в таком государстве в основу административного районирования класть экономические основания.

Но этому вопросу мы надеемся посвятить специальную работу.

А. Евтихьев.

¹⁾ Проф. Orlando: *Principii di diritto amministrativo*; стр. 143.

²⁾ Проф. Orlando: *Ibid.*, 140 стр.

³⁾ В. Н. Ульянов (Ленин). *Пролетарская революция и государство*.

Свобода совести по германской конституции 1919 г.

Конституция германской республики, принятая национальным собранием в Веймаре 31 июля 1919 года, опубликованная в Шварцбурге 11 августа 1919 года, является наглядным доказательством того, как понимается свобода совести в буржуазной республике. Даже те минимальные требования, которые содержатся в программе германской социал-демократии, оказались чрезмерными для национального собрания, избранного путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, с пропорциональным представительством меньшинств.

Вопросу о религии и религиозных обществах посвящен 3-й раздел II-й части конституции („Основные права и обязанности германских граждан“). Вопрос об отделении школы от церкви затронут несколькими статьями раздела IV—„Об обучении и школе“.

В качестве общего принципа в статье 135-ой твердо установлено положение, что все жители государства пользуются полной свободой веры и совести.¹⁾

Конституция гарантирует беспрепятственное исповедание религии. Какие же пределы ставит свободе совести государство? Государство охраняет беспрепятственное исповедание религии, но оно требует, чтобы общегосударственные законы оставались при этом незатронутыми. Государство не может допустить такой свободы совести, которая нарушала бы не только основные законы германской республики, т. е. не только ее конституцию, но также и другие общегосударственные гражданские и уголовные законы германской республики. Перед этим принципом верховенства существующего на данной территории законодательства должны преклониться все, кто желает жить на территории германской республики. Если те или иные действия верующих, то или иное высшее проявление своих внутренних религиозных настроений, убеждений и верований будет противоречить общегосударственным германским законам, верующие должны будут ответить перед судом, если предварительно их деятельность не была предупреждена или пресечена администрацией.

По 136-ой ст. германской конституции, осуществление прав религиозной свободы не может ни обусловить, ни ограничить гражданских и политических прав и обязанностей. Здесь выражается, иными словами, старый принцип свободы совести, что религиозные убеждения не должны стоять ни в какой связи ни с гражданскими, ни с политическими правомочиями каждого гражданина. Здесь же выражен принцип, что никто не может пользоваться никакими льготами, преимуществами, изъятиями из общего закона, вследствие того, что он принадлежит к тому или иному вероисповеданию или занимает то или иное положение в церковной иерархии.

Пользование гражданскими и политическими правами, допущение к публичным должностям не стоит ни в какой зависимости от вероисповедания. Хотя свобода веры не поддается законодательной регламентации, т. к. нельзя силою заставить человека веровать или не веровать,

¹⁾ К. Маркс еще в 1844 году писал: „Государство... может эмансипироваться от религии даже если преобладающее большинство еще религиозно настроено. И преобладающее большинство не перестает быть религиозным оттого, что религия становится частным делом“. („К еврейскому вопросу“. Перевод под ред. А. Дуначарского. Изд. Петро-Совета, 1919 г., стр. 13).

однако самые грубые контуры свободы веры можно обрисовать и в законодательстве, хотя бы в форме того общего правила, что никто не обязан сообщать, каковы его религиозные убеждения. Органы государственной власти имеют право спрашивать гражданина о принадлежности его к тому или иному религиозному обществу лишь в той мере, в какой от этого зависят права и обязанности гражданина, или если этого требует предписанное германским законом статистическое обследование.

Религиозно настроенное буржуазное большинство членов германского национального собрания настояло на том, чтобы даже в конституцию была внесена соответствующая оговорка, что государство путем статистики имеет право устанавливать количество верующих, принадлежащих к тому или иному вероисповеданию.

Но включать в акты гражданского состояния вопрос о том, какого кто вероисповедания, уже нельзя на основании 3-ей части 136-ой ст. германской конституции 1919 г.

Никто не может быть принуждаем к церковному акту или торжеству, или к участию в отправлении религиозных обрядов, или к пользованию религиозной формой присяги. Германская конституция в 4-ой части 136-ой ст. останавливается *на полдороге*. Она не дерзает *провозгласить* полного отделения церкви от государства.

До этого германская буржуазия еще не доросла. Германской буржуазии нужны церковные торжества, нужна религиозная присяга, нужно вплетение религиозных обрядов или церемоний в действия государственных или других публично-правовых общественных установлений. В 4-ой части 136-ой ст. выражен лишь тот принцип, который фактически применялся и раньше даже в самодержавных государствах, а именно, что еврея, например, нельзя заставить участвовать в церковном торжестве протестантского или католического вероисповедания. Что же касается религиозной присяги, то она допускается ст. 42-ой конституции даже при вступлении президента в должность. Если президент—религиозно верующий, он имеет право к общеустановленной гражданской присяге добавить и религиозную клятву.

Из признания полной свободы веры и совести с логической неизбежностью вытекает другой принцип, выраженный в 137-ой ст. герм. конст., а именно, что ни в одной германской республике не существует государственной церкви.¹⁾ Однако германская буржуазия и этот принцип *провела лишь наполовину*, не сделав из него тех выводов, которые необходимо было сделать. Например, как совместить две, почти рядом стоящие, статьи герм. конст., а именно 137-ую и 139-ую? В 137-ой ст. установлено, что в Германии государственные церкви не существуют, а в 139-ой ст. устанавливается обратное: даются льготы христианским вероисповеданиям по сравнению с нехристианскими, а именно: воскресенье и признанные государством праздники охраняются законом, как дни отдыха от работ, в духовных интересах. Евреи составляют значительную часть германского населения. При изучении герм. конст. они невольно с изумлением задают вопрос: с какого времени воскресенье перешло в разряд охраняемых законом еврейских празд-

¹⁾ „Государство в его действительной форме, в свойственном его сущности виде, как государство, эмансипируется от религии тем, что оно эмансипируется от государственной религии, т. е. тем, что государство, как государство, не признает религии, тем, что государство, напротив, признает себя государством“. (К. Маркс. „К еврейскому вопросу“. Петроград, 1919 г., стр. 13).

„Эмансипация государства от религии не есть эмансипация действительного человека от религии“. (Там же стр. 23).

ников? Не со дня ли издания германской конституции 1919 г.? А если воскресенье не является ни еврейским, ни магометанским праздником, ни тем более—праздником огромной части атеистического населения, тогда возникает вопрос: почему же 137-ая статья германской конституции заявляет, что в Германии не существует государственной церкви? Почему для христианских вероисповеданий сделали преимущество, дали льготу, какой не пользуются, например, магометане, или евреи, или атеисты? Объясняется это *постоянными противоречиями*, встречающимися на каждом шагу *в буржуазном праве*. В буржуазных конституциях иногда даже простое примечание совершенно уничтожает смысл и значение основного правила, изложенного в тексте статьи конституции.

Свобода образования религиозных обществ гарантирована 2-ой частью 137-ой ст. конституции. Нет никаких препятствий и для дальнейшего объединения религиозных обществ. Религиозные общества могут вступать друг с другом в союзы, образовывать более крупные организации; вообще объединение религиозных обществ в пределах государства не подлежит никаким ограничениям. Государство не вмешивается в дела религиозных обществ. Оно требует лишь соблюдения законов. Государство предоставляет всякому религиозному обществу самостоятельно распоряжаться и управлять своими делами в рамках обязательных для всех законов. Религиозное общество имеет полное право назначать на свои должности без всякого содействия государства или гражданской общины. Ни органы государства, ни органы самоуправления не могут предъявить религиозной общине требования назначить то или иное лицо на ту или иную духовную должность, как не имеют права потребовать удаления того или другого духовного лица с занимаемой им должности. Если духовное лицо совершило преступление, государство обязано отдать его под суд, арестовать в виде меры пресечения, в зависимости от степени опасности совершенного им преступления и личности самого преступника, но не имеет права требовать от духовной общины удаления его с должности.

Религиозные общества приобретают правоспособность, соответственно общим постановлениям германского гражданского права (4-ая часть ст. 137-ой). Те религиозные общества, которые были публично-правовыми корпорациями, остаются ими и впредь. Те религиозные общества, которые по своему устройству, по числу своих членов, дают гарантию продолжительного существования, имеют право ходатайствовать о предоставлении им прав публично-правовых корпораций.

Таким образом, германские религиозные общества, как публично-правовые корпорации, являются юридическими лицами и пользуются всеми правами юридических лиц. Это означает, что они имеют право взимать налоги на основании гражданских налоговых списков, соответственно постановлениям областного законодательства (6-ая часть 130-ой ст.), имеют право собственности и другие права на учреждения, вклады и проч. движимые и недвижимые имущества, предназначенные на богослужебные, учебные и благотворительные цели (2-ая часть 138-ой ст.), имеют право заключать договоры, выступать на суде в качестве истцов, ответчиков и третьих лиц и пр.

Если несколько публично-правовых религиозных обществ объединяются в союз, то и последний является публично-правовой корпорацией (5-ая часть 137-ой ст.) и имеет права юридических лиц.

К религиозным обществам приравниваются союзы, которые ставят себе задачей общественное поощрение какого-либо мирозерцания. Если для осуществления вышеизложенных постановлений 137-ой ст. конституции требуются дальнейшие законодательные нормы, то

они издаются в порядке областного (прусского, баварского и т. д.) законодательства.

137-ая ст. германской конституции совершенно не отделяет церкви от государства. Она гарантирует такую широкую свободу деятельности религиозных обществ, что отделение церкви от государства сводится почти к нулю. Германская конституция сохраняет за религиозными обществами права юридического лица. Она предоставляет религиозным обществам даже право взимать налоги на основании гражданских налоговых списков. Если буржуазная германская конституция предоставляет в распоряжение религиозных обществ материальные средства,—этим она обеспечивает возможность дальнейшего процветания и преуспеяния религиозных обществ.

Текст 137-ой ст. герм. конст. своими корнями покоится в капиталистическом способе производства. Он является идеологической, религиозной надстройкой над капиталистическими отношениями производства и распределения. Присвоение религиозным обществам прав юридического лица вполне отвечает экономическому обоснованию всего буржуазного германского законодательства. Оно отвечает духу демократической республики.

Сопоставлять нормы германского законодательства по вопросу о религиозных обществах с нормами Советского законодательства совершенно невозможно, потому что эксплуататорские отношения, существующие в буржуазной германской республике, в корне противоречат духу и смыслу Советских конституций и Советских декретов об отделении церкви от государства. Достаточно сказать, что по Советскому законодательству религиозные общества не имеют прав юридического лица, не имеют права владеть собственностью; все имущества церковных и религиозных обществ объявлены народным достоянием; никакие принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ не допускаются.

Из принципа свободы совести должен вытекать принцип лишения религиозных обществ государственной помощи. 138-ая статья герм. конституции устанавливает, что государственная помощь религиозным обществам, основанная на законе, договорах или специальных правовых титулах, должна быть ликвидирована в порядке областного законодательства. Общие принципы ликвидации государственной помощи религиозным обществам должны быть установлены общегосударственным законодательством. Таким образом ликвидируется пережиток старинного теологического законодательства, благодаря которому господствующая церковь, т. е. одно вероисповедание, содержалась за счет всех граждан, хотя бы принадлежащих к другим культам, хотя бы и за счет неверующих.

Возникает вопрос: если буржуазия дошла до сознания, что за счет неверующих нельзя оказывать государственной помощи верующим, почему та же буржуазия не может дойти до сознания, что все церковные имущества должны быть возвращены эксплуатируемому, без выкупа, так как они в конечном счете созданы их потом. Но германский крестьянин еще не поднялся на ту ступень умственного развития, чтобы потребовать от германских помещиков возврата себе без выкупа всех поместий.

Путем всеобщего избирательного права германские крестьяне и пролетариат, составляющие подавляющее большинство населения, послали в национальное собрание таких своих представителей, которые в 153-ой статье германской конституции провозгласили, что собственность обеспечивается конституцией, что принудительное отчуждение,

только на законном основании, производится на основе справедливо-го вознаграждения, что экспроприация в общегосударственном интересе не только у помещиков, но даже и у областей, общин и союзов, может совершаться только за вознаграждение. *Германский крестьянин еще не освобожден из духовного плена буржуазии. Для защиты своих классовых интересов германский крестьянин еще не объединился с городским пролетариатом.*

Для наилучшего одурманивания трудящихся, входящих в состав вооруженных сил Германии и составляющих их главную массу, 140-ая ст. герм. конституции предписывает предоставить им необходимое свободное время для исполнения их религиозных обязанностей.

Наконец, в 141-ой статье конституции постановлено, что религиозные общества должны быть допускаемы к отправлению религиозных действий, поскольку в армии, в больницах, в карательных заведениях и в проч. учреждениях существует потребность в богослужении и в духовно-нравственном попечении о душе. Единственно, чем гарантируется здесь свобода совести, это небольшой припиской в конце 141-ой статьи, что надлежит устранять какое бы то ни было принуждение.

Так же противоречиво построено конституционное законодательство об обучении и школе.

В 142-ой статье содержится, на первый взгляд, категорическое предписание: искусство, наука и преподавание ее—свободны. Если же вникнуть в смысл этой свободы, оказывается, что эта свобода—религиозная, доказательством чего служат 148—149 статьи того же IV раздела конституции.

Во всех германских школах стремятся к нравственному просвещению, к насаждению духа гражданственности, к личной и профессиональной годности в духе германской народности и примирения народов. Смысл 1-ой части 138-ой статьи конституции расшифрован в следующей, 139-ой статье. Как достигнуть нравственного просвещения?—С точки зрения буржуазии, этот вопрос не может вызывать никаких сомнений. Конечно,—преподаванием закона божьего. Поэтому, буржуазное большинство национального собрания постановило ввести закон божий в программу школ, за исключением внеисповедных (светских) школ. Преподавание закона божьего регулируется общим школьным законодательством. Оно производится в согласии с основными принципами данного религиозного общества, с соблюдением прав государства на надзор за школами. Правда, представители буржуазии идут на некоторые уступки пролетариату. Они провозгласили свободу веры и совести. Поэтому они не могут обязать родителей, чтобы дети обязательно изучали закон божий. В конституции они вынуждены были установить, что преподавание закона божьего, как и совершение религиозных обрядов, зависит от волеизъявления учителей. С другой стороны, присутствие учеников на уроках закона божьего и участие их в церковных празднествах и обрядах предоставлено усмотрению лиц, от которых зависит решение вопроса о религиозном воспитании ребенка.

Итак, члены германского национального собрания 1919 года постановили предоставить духовенству всех религий полную возможность калечить умы подрастающего поколения. Это *калечение детских умов производится на государственный счет, на счет всего народа, даже на счет атеистов*, т. к. школы содержатся на общегосударственный счет.

Связь церкви с государством наглядно проявляется, наконец, в том, что теологические факультеты высших учебных заведений в Германии сохранены 3-ей частью 149-ой статьи конституции.¹⁾

Вполне понятно, почему демократическое национальное собрание в своей конституции германской республики ни одним словом не обмолвилось об отделении церкви от государства и школы от церкви. О каком же отделении церкви от государства и школы от церкви может быть речь в германской демократической республике, если в герм. конституции церковь от школы совершенно не отделена, а для отделения церкви от государства *намечены лишь первые шаги?*

В германской конституции ни одного слова не сказано о свободе антирелигиозной пропаганды. Германская конституция 1919 года представляет собой идеологическое построение буржуазии, направленное исключительно к тому, чтобы *удовлетворить классовым нуждам и потребностям буржуазии*. Конечно, нельзя требовать от капиталистического общества, чтобы оно уничтожало само себя. Нельзя было ожидать встретить в герм. буржуазной конституции защиты классовых интересов пролетариата. Нельзя было ожидать, что представители буржуазии добровольно раскрепостят пролетариат и экономически, и духовно. *Религия нужна буржуазии*. Это проповедует германская буржуазия в своей конституции 1919 года.

Германский пролетариат, стремясь к экономическому раскрепощению, должен одновременно стремиться и к духовному раскрепощению. Он должен *сбросить с себя духовные оковы*, которыми очень искусно связало его в основных законах германской республики национальное собрание 1919 года.

И. Сухоплюев.

Новейшая эволюция государственно-правовых форм.

Бурные проявления социально-политического кризиса—мировая война, революции и гражданские войны вызвали резкие изменения в государственном составе и государственно-правовых формах центральной и восточной Европы.

Достаточно указать на коренную трансформацию социального и политического уклада б. Российской Империи, образование на окраинах ее новых суверенных национальных государств, а в пределах всей остальной части б. Российской Империи—Союза Советских государств—политических организаций совершенно нового типа; далее—и умаление Германской Империи и радикальную реформу ее государственного строя на демократических началах, распад Австро-Венгерской унии, раздробление и превращение ее составных частей, исконных монархий, в республики; образование Чехо-Словацкой и Польской республик, раздробление Турции и трансформацию расширенной Сербии в королевство Юго-Славию.

¹⁾ Насколько бессильны были германские с.-д. в 1919 г., видно из того, что герм. национальное собрание в 3-ей части 149-ой статьи конституции отбросило требование 6-го абзаца Эрфуртской программы: „уничтожение всех взносов из общественных средств на религиозные и церковные нужды“.

В этом колоссальном изменении государственной структуры центральной и восточной Европы выделяются следующие основные черты новейшей эволюции государственно-правовых форм: универсальный процесс распространения и развития республиканских форм и демократизации государственного строя проявился в двух различных направлениях: с одной стороны, в организации государственных форм на традиционных правовых началах конституционализма и народовластия (принцип народного суверенитета), с другой стороны, в организации государства на началах исключительной абсолютной власти лишь одного демократического класса, диктатуры пролетариата, в целях революционного строительства общественной жизни на основах социализма.

Революционный сдвиг политической власти к демократическим массам в дуалистических конституционных монархиях Западной Европы привел к установлению в них демократическо-республиканской формы с парламентарной системой управления.

Эту же форму государственного устройства приняли все вновь образовавшиеся государства, за исключением Советских государств. Советские же государства построили свои конституции на началах абсолютного суверенитета или диктатуры пролетариата в целях усиления и развития классовой борьбы пролетариата, подавления буржуазии и установления социалистического строя. Это чрезвычайно резкое отличие принципов государственного строительства Советских государств от принципов, полагаемых в основу своего государственного строя демократическими государствами обычного типа, нашло свое выражение и в текстах конституций.

Во введении в Германскую конституцию 1919 г., принятую национальным собранием в Веймаре 31 июня 1919 г., провозглашается: «Германский народ, единый, не взирая на племенные различия, установил для себя эту конституцию, будучи воодушевлен желанием обновить и упрочить свое государство в духе свободы и справедливости, послужить на пользу миру внутреннему и внешнему и содействовать общественному прогрессу.» Также введение в Чехо-Словацкую конституцию 1920 года декларирует: «Мы, Чехо-Словацкий народ, ставя себе целью утвердить полное единство нации, ввести справедливые законы в Республике, гарантировать мирное развитие нашего Чехо-Словацкого отечества, способствовать общему благополучию всех граждан государства и обеспечить будущим поколениям благоденствия свободы, утвердили в нашем Национальном Собрании 29 февраля 1920 г. для Чехо-Словацкой республики конституцию, текст коей следует».

В противоположность вышеуказанным декларациям, конституция 10 июля 1918 г. Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (ст. 9.) объявляет, что «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и крестьянского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Аналогичная же декларация содержится в 1 и 2 ст. Конституции 10/14 марта 1919 г. У. С. С. Р.

Советские конституции впервые дают юридическую санкцию началам социализма и классового господства (пролетариата¹). Хотя

¹) См. также: Prof. H. Kelsen, Socialismus und Staat в Archiv f. d. Geschichte d. Socialismus und d. Arbeiterbewegung 1920 Heft I.

Французская Коммуна 1871 г. была, как характеризует ее Маркс, «по существу своему правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим», но по своей правовой основе Коммуна 1871 г. была демократическим союзом, организованным на демократическом начале всеобщего избирательного права. Имея в виду эту и некоторые другие черты Парижской Коммуны, Маркс и мог сказать, что «Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений».¹⁾

Следуя образцу Французской Коммуны, Советские конституции отвергли конституционный принцип обособления властей путем распределения функций государственной власти между специально к ним приспособленными системами органов в целях специализации и установления конституционных сдержек и правовых гарантий. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой Коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть».²⁾

Такое же объяснение слияния различных функций в органах Советской власти дают и все комментаторы Советских конституций. Однако, деловой характер государственного органа отнюдь не обусловлен функциональным объемом его деятельности. Но и независимо от желания следовать в этом отношении прецеденту, данному Коммуной 1871 г., отрицание принципа обособления властей в Советских конституциях логически вытекает из последовательного проведения принципа диктатуры пролетариата, как власти чрезвычайной с исключительными и наиболее широкими полномочиями органов, требующей безусловной и иерархической подчиненности низших органов высшим. Вот почему не только законодательная и вообще распорядительная и исполнительная власти слились в одних и тех же органах, но и судебная власть подчинена власти исполнительной; лишь в последнее время советское законодательство приняло меры к некоторому обособлению судебной власти от исполнительной. С другой стороны, вследствие наделения Советских органов исполнительной власти (Наркоматов, Исполкомов) обширными распорядительными полномочиями, в организации этих органов важное значение уделяется коллегиальному началу при разрешении вопросов организационного и принципиального значения, в отличие от утвердившегося во всех современных государствах единоличного начала и бюрократической системы в организации министерств и вообще административных органов.

Как боевая конституция классовой борьбы пролетариата и его диктатуры, Советская конституция не устанавливает так называемых конституционных гарантий и основных прав гражданской свободы.³⁾ Советские конституции дают не декларацию личных прав граждан, как таковых, а «декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», т. е. декларацию классовых преимуществ пролетариата в советском государстве, его задач и социалистических достижений.

Оригинальной чертой советского строя является также иерархическое начальственное построение представительных органов пролетариата—советов и их исполкомов, в зависимости от территориального объема их компетенции, причем высшие начальственные органы

¹⁾ К. Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 60.

²⁾ К. Маркс. Гражданская война во Франции.

³⁾ Боевой характер Советской Конституции особенно ярко обоснован Лениным в его соч. «Государство и революция».

представительства в своем личном составе образуются из представителей, избранных непосредственно ниже стоящими по территориальному району органов. В последнем отношении эта система напоминает несколько иерархическую структуру Дум, начиная от волостных и кончая Государственной, по знаменитому проекту государственного преобразования России, составленному в 1809 г. гр. Сперанским.

Городские и сельские советы являются основанием той пирамиды советов и их исполкомов, верхушку которой составляют Общегосударственный Съезд Советов и его Центральный Исполнительный Комитет, развертывающие в свою очередь систему центральных органов, начиная с Советов Народных Комиссаров.

В современном фазисе своего союзного объединения Советские государства, именно Р. С. Ф. С. Р. и союзные с ней республики, как-то: Украина, Азербейджан, Армения, Грузия, с государственно-правовой точки зрения, являются конфедерацией государств, союзом формально суверенных государств. Они имеют общие органы для военного, финансового и хозяйственного управления в лице соответствующих Наркоматов Р. С. Ф. С. Р. и, следовательно, отчасти и Всероссийских Съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета, в которых «союзные республики» имеют свое представительство. Как и все вообще конфедерации, этот союз советских государств своим юридическим основанием имеет международные договоры, заключенные «союзными республиками» с Р. С. Ф. С. Р., и законы каждого из членов конфедерации, санкционирующие действие положений этих договоров в территориальных пределах конфедерировавшегося государства.

Таким образом, несмотря на свою тесную политическую объединенность, руководящую роль одной и той же политической партии, тождественность социальных основ властвования, основных государственных правоположений и признания равенства прав граждан каждого Советского государства, Советские государства не имеют еще общей союзной конституции, возвышающейся над ними и общей для них всех суверенной союзной власти, а потому это соединение «союзных республик», юридически суверенных, не образует федеративного государства. Что же касается Р. С. Ф. С. Р., то она является, с государственно-правовой точки зрения, унитарным государством, так как, хотя и имеет в своем составе автономные республики и области, но они все же являются лишь автономными провинциями, связанными однако по федеративной системе с центральной властью, подобно автономным провинциям Австралии, Канады и в Европе—провинциям Голландии. Провинциальный (а не государственный) характер «автономных республик» Р. С. Ф. С. Р. вытекает из делегированного характера их властвования, основы которого устанавливаются верховной властью Р. С. Ф. С. Р. Кроме того, в силу § 50 конституции Р. С. Ф. С. Р., Всероссийский Съезд Советов и В. Ц. И. К. обладают неограниченным правом определения своей компетенции, так называемой «компетенцией компетенции».

Характерной чертой Советского строя является далее организация избирательной системы не на принципе числового представительства, а реального представительства различных профессиональных организаций избирателей.¹⁾

Советские конституции, рожденные в боевой атмосфере острой социальной борьбы и гражданской войны, в период так называемого военного коммунизма, отразили во всех своих принципиальных поло-

¹⁾ См. также А. Р. Гюнтер: Советская власть и Советская конституция.

жениях и боевую теорию классовой борьбы, и боевую обстановку, в которой они были сформулированы. Это особенно ярко отразилось в той части этих конституций, которая посвящена «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

С переходом Советского строительства на более мирные условия политической жизни и положительной государственной работы, практического регулирования экономическо-правовых отношений, должны были изменяться, приспособляясь к императивным требованиям жизни и политико-экономической конъюнктуры, и различные положения Советского права. Не только подверглись изменению нормы экономических отношений, соответственно принципам «новой экономической политики», но происходит и перестройка, хотя и не принципиальная, органов власти, особенно органов судебной власти. Развивая основы своего положительного государственного строительства, Советская власть торжественно признала и важнейший устой государственного управления, провозгласив на последнем Всероссийском Съезде Советов в самых императивных формах начало «революционной законности».

Советское право переживает стадию становления и формирования и потому не вылилось еще в определенную догму правовых положений. Здесь мы можем отметить лишь вышеуказанные основные черты этого права, каким оно является в нормах его конституций. Иные формы приняла государственно-правовая эволюция в европейских государствах, испытавших революционную трансформацию своих учреждений, или заново образовавшихся на оторванных от этих государств территориях и организованных на принципах обычного европейского конституционализма. Во всех этих государствах принципы демократического строя и так называемого «правового государства» нашли свое выражение, а в некоторых отношениях и дальнейшее развитие.

Развитие государственно-правовых учреждений Западной Европы в общем шло быстрее развития правового уклада социально-экономических отношений, традиционных методов и начал частно-правового режима. Политически господствующие классы легче уступают в вопросах, касающихся форм государственно-правовой организации, чем в вопросах, непосредственно относящихся к их личным имущественным интересам, к экономическому основанию их руководящей роли в политическом союзе. Отсюда отставание социально-экономических реформ от государственно-правовых, накопление чрезвычайных социальных противоречий, несмотря на прогрессивное развитие государственно-правовых форм демократического конституционного строя. Все более резко звучащий диссонанс между передовыми формами народо-правства, политической и гражданской свободы и фактической обделенностью значительной части населения в средствах использования предоставленных ей государственно-правовых возможностей, породил стремление выйти из существующих легальных форм и разрешить проблему социального положения более радикальными путями, хотя бы они даже шли вразрез с признанными началами правового государства. Отсюда же и разочарование в каких бы то ни было формах государственности. Мировая война со всеми ее тяжкими последствиями, с сильнейшей депрессией всей экономической жизни обострила до крайности все эти социальные противоречия и вызвала революционные движения в наиболее подпавших действию кризиса государствах Европы.

Но все бурные движения нового времени в государствах Западной Европы в конечном счете все же приводили в государственно-

правовой сфере лишь к дальнейшему распространению и развитию выдвинутых прежним ходом исторического процесса демократических идей и учреждений в формах конституционного правового государства. Особенно в этом отношении показательна трансформация государственного строя Германии.

Конституция Германской Империи, принятая Веймарским Учредительным Собранием 31 июля 1919 г. и обнародованная 11 августа того же года, не только провозглашает, как и другие новейшие конституции (Чехо-Словацкая 1920 г. и Польская 1921 г.), принцип народного суверенитета и организацию народного представительства (Рейхстага) на основах всеобщего, прямого, равного избирательного права, тайной подачи голосов и пропорциональных выборов, но впервые устанавливает в большом государстве институты непосредственного участия народа во власти в формах референдума, хотя бы факультативного, и народной законодательной инициативы. При этом факультативный референдум применяется в весьма широком масштабе, приближая в этом отношении Германию к швейцарским демократиям.

В то время, как демократическая Чехо-Словацкая конституция допускает «плебисцит» лишь в случае единогласного постановления правительства о передаче на народное голосование отклоненного законодательными Палатами (Национальным Собранием) правительственного законопроекта, причем плебисцит не допускается по правительственным законопроектам, имеющим своей целью изменение или пополнение конституции (ст. 46 конст.), Германская конституция ст. 73 устанавливает референдум:

1) в случае внесения Рейхстагом каких либо изменений в законопроект, исходящий от народной инициативы, т. е. не менее чем от $\frac{1}{10}$ граждан, пользующихся избирательным правом;

2) в случае передачи президентом республики на народное голосование законов, принятых Рейхстагом;

3) в случае требования референдума не менее чем $\frac{1}{3}$ частью депутатов Рейхстага, если такое требование будет поддержано $\frac{1}{20}$ граждан, имеющих право голоса;

4) в случае требования Рейхсрата (общегосударственного органа, представляющего правительства германских областей) о передаче на народное голосование принятых Рейхстагом, несмотря на протест Рейхсрата, изменений конституции.

Верховная воля народа далее является решающей инстанцией во всех случаях конфликта Народного Представительства с президентом республики.

До истечения семилетнего срока, на который избирается президент Германской республики, он может быть, впредь до разрешения этого вопроса народным голосованием, отстранен от должности в силу постановления Рейхстага о его смещении. Но в случае благоприятного для президента вотума народного голосования, президент считается переизбранным, а Рейхстаг распускается.

В таком расширении прав народного представительства по отношению к главе правительственной власти, а также в предоставлении самому народу права верховного решения конфликта между народным представительством и главой государства проявляется даль-

нейшее развитие принципа народовластия, представляющее нововведение в области современного конституционного права.¹⁾

Оставалось бы сделать еще один шаг и присвоить народу «право отзыва», т. е. досрочного роспуска народного представительства, тем более, что оно избирается на продолжительный, 4-х летний срок; но конституция ограничилась роспуском Рейхстага в силу народного вотума лишь в вышеуказанном случае.

Другой характерной чертой новейшего государственного строительства западно-европейских государств является не только фактическое применение парламентарного режима, но и первое прямое юридическое санкционирование его в конституциях. До настоящего времени лишь действующая Австралийская конституция (ст. 64) только косвенным образом санкционировала этот принцип. Все другие конституции государств с парламентарным режимом ограничивались совершенно общим указанием на ответственность правительства перед парламентом, не формулируя последствий парламентарной, политической ответственности; поэтому уход в отставку правительства, не пользующегося доверием парламента, являлся лишь актом, освященным конституционными соглашениями или практикой конституционных учреждений, а не непосредственно правовыми нормами обыкновенного или конституционного законодательства. Отсюда споры о том, является ли парламентарный режим в современных государствах лишь фактом, неизбежным политическим последствием фактического соотношения сил народного представительства и правительства, или также правом, нашедшим в той или другой форме, хотя бы косвенное, признание в существующих государственно-правовых нормах. Более всего юридический характер имеет английский парламентаризм. Известный английский юрист Дэйси отнес принципы английского парламентарного режима лишь к так называемой им практике конституционных соглашений, которые по существу своему, как правильно указано было в научной литературе, получили в Англии значение норм обычного права.

Новые же конституции (Германии, Чехо-Словакии, Польши) впервые санкционируют парламентаризм, как юридический институт. Согласно § 54 Германской конституции «германский Канцлер и германские министры нуждаются для отправления своих должностей в доверии Рейхстага; каждый из них должен подать в отставку, если Рейхстаг ясно выраженным постановлением лишит его доверия». Аналогично постановляет ст. 78 Чехо-Словацкой конституции: «Если Палата Депутатов выражает свое недоверие правительству, или если она отклоняет вотум доверия, предложенный последним, то правительство вынуждено вручить свою отставку президенту Республики», и ст. 58 Польской конституции: «К парламентарной ответственности привлекает министров Сейм. Совет министров и каждый министр уходит по требованию Сейма».

Но вместе с конституционной санкцией парламентарного режима новейшие конституции облачают парламент новыми полномочиями. Германская и Чехо-Словацкая конституции для защиты прав народного представительства и выполнения некоторых его функций устанавливают особые парламентские комитеты, функционирующие даже в случае роспуска его. Так, в силу ст. 35 Германской конституции,

¹⁾ Польская конституция 17 марта 1921 г. ст. 42 допускает лишение сана президента республики по постановлению (квалифицированного большинства) Сейма, но только в случае «невыполнения» президентом в течении трех месяцев своих обязанностей.

«Рейхстаг назначает постоянную Комиссию по иностранным делам, которая может функционировать и во время перерыва сессии Рейхстага, а также по истечении срока его полномочий или после его роспуска до собрания нового Рейхстага». Собрания этой комиссии закрыты, если сама она, большинством 2/3 голосов, не постановит сделать заседание открытым.

Такая комиссия по иностранным делам была уже установлена в Германии во время последней войны. Но, кроме того, «Рейхстаг назначает постоянную Комиссию для обеспечения народного представительства по отношению к обще-государственному правительству на время перерыва сессий и по истечении срока полномочий». (Ст. 35).

Еще с более широкими полномочиями учреждается особый Комитет Законодательных Палат в Чехо-Словакии. Согласно ст. 54 конституции этого государства, когда одна Палата распущена или когда истек срок ее полномочий, то до нового собрания Палат, и кроме того, в то время, когда сессии Палат отсрочены или закончились, экстренные меры принимаются Комитетом из 24 членов, даже в том случае, если по нормальному порядку требуется издание закона. Комитет осуществляет надзор за правительственными и исполнительными властями; 16 членов этого Комитета и столько же заместителей избираются Палатой Депутатов, 8 членов и столько же заместителей Сенатом; те и другие сроком на один год».

Выборы производятся по принципам пропорционального представительства, причем допускается блок партий. Члены правительства не могут быть ни членами, ни заместителями их в Комитете. Члены Комитета пользуются депутатской неприкосновенностью. Комитет компетентен по всем делам, входящим в круг законодательных и административных функций Палат (Национального Собрания), но не имеет права: а) избирать президента республики или его заместителя, б) изменять конституционные законы и компетенцию администрации, за исключением того случая, когда дело идет о расширении деятельности уже организованных административных учреждений, путем предоставления им новых функций, в) обременять граждан путем новых и длительных финансовых мер, увеличивать расходы национальной обороны, обременять государственные финансы долгосрочными обязательствами и отчуждать государственную собственность, г) давать согласие на объявление войны. Решения спешного характера, для которых в нормальном порядке требуется закон, допускаются лишь по предложению правительства и с одобрения президента республики. Такие решения, принятые Комитетом, имеют силу временного закона, опубликованного со ссылкой на соответствующую статью конституции, подписываются президентом Республики, председателем Совета министров или его заместителем и по крайней мере половиной министров. Меры, на принятие коих президент не дает своего согласия, не могут быть опубликованы.

Власть Конституционного Трибунала республики—проверять конституционность законодательных актов—распространяется и на решения Комитета, для коих в нормальном порядке требуется закон.

Председатель Комитета и его заместитель представляют отчет о действиях Комитета к первому же заседанию Палаты Депутатов и Сената и делают это даже в том случае, если они перестали быть членами Палаты Депутатов или Сената. Решения Комитета, не утвержденные обеими Палатами в течении 2 месяцев, считая со дня открытия заседаний Палат, утрачивают всякую силу.

Из вышеуказанных полномочий Комитета Законодательных Палат Чехо-Словакии надлежит заключить, что Чехо-Словацкий президент лишен того права временной отмены конституционных гарантий гражданской свободы, в случае серьезных нарушений общественного порядка, которое (по ст. 48 Германской конституции) предоставлено президенту республики в Германии.

Германский президент, в случае серьезного нарушения общественного порядка, может временно, единоличным своим распоряжением, приостанавливать вышеуказанные конституционные гарантии, но обязан однако немедленно доводить об этом до сведения Рейхстага, по требованию которого принятые президентом в охрану порядка меры подлежат отмене.

Комитет Законодательных Палат Чехо-Словакии имеет по ст. 78 конституции еще одно полномочие. Если отставка (вследствие вотума недоверия Палат) правительства (Совета министров) произойдет в то время, когда нет ни президента республики, ни его заместителя, то Комитет постановляет по поводу отставки правительства и принимает необходимые меры для временного управления правительственными делами.

Но, расширяя права народного представительства и его контрольных функций в отношении правительства, новейшие конституции — Чехо-Словацкая, Польская и особенно Германская, по примеру действующих французских конституционных законов, устанавливают наиболее продолжительный, по сравнению с другими республиканскими государствами, срок президентских полномочий — семилетний, в целях большей устойчивости положения главы правительственной власти. В Германии же положение президента не только усиливается выше указанными полномочиями его передавать на референдум акты Рейхстага, но и особой постановкой его «вето». Именно, Германская конституция трансформирует известный институт суспенсивного «вето» президента, увеличивая его политическое значение. Так, Германский президент, как мы уже указывали, может передавать не одобренные им акты законодательного органа не на новое рассмотрение парламента, а на верховное решение народа путем референдума; и это право апелляции к народу в связи с тем, что Германский президент избирается не народным представительством, а непосредственно народом, и что, в случае указанного выше постановления Рейхстага о смещении президента, судьей в этом политическом конфликте двух органов власти является сам народ, чрезвычайно усиливает правовое и политическое положение Германского президента, как главы государства, сравнительно с президентами других европейских республик. Что касается судебной ответственности президентов по новейшим конституциям, то Германская конституция (ст. 59) допускает ее во всех случаях правонарушений. Рейхстаг, по постановлению квалифицированного большинства своих членов, имеет право возбуждать перед Государственным Судом Германской республики обвинения против Германского президента, германского канцлера и германских министров в том, что они виновно нарушили германскую конституцию или германский закон. Минимальный объем ответственности президента республики устанавливает Чехо-Словацкая Конституция, хотя он и избирается Национальным Собранием (Палатами); конституция определяет, что президент не несет никакой ответственности за свою деятельность и по образцу действующей французской конституции, ограничивает его судебную ответственность лишь случаями государственной измены (ст. 66—67. Ст. Конституции). Поль-

ская конституция (ст. 51) также отвергает политическую ответственность президента республики, определяя, что президент за свою деятельность не несет никакой ответственности ни перед Сеймом, ни перед гражданскими учреждениями». Но за государственную измену, нарушение конституции или уголовные преступления президент может быть привлечен Сеймом к судебной ответственности перед Государственным Трибуналом.

В случае же 3-х месячного невыполнения президентом Польской республики своих обязанностей, Сейм квалифицированным большинством голосов может лишить его сана. Впрочем, все эти постановления о политической безответственности главы правительственной власти не имеют особого практического значения, в виду парламентарного режима политической ответственности министров. Во всяком случае, отмеченная в юридической литературе тенденция современной государственной жизни, направленная к усилению роли главы исполнительной власти,¹⁾ проявилась и в новейших конституциях. Действующая Германская конституция подтверждает еще одну тенденцию в развитии федеративного государства. Условия внутренней и внешней жизни современных государств, вместе с возрастающей потребностью регулирования социально-экономических отношений из единого центра, вызывают также возрастание полномочий центральной общегосударственной власти в федеративных государствах, т. е. эволюцию их в сторону унитаризма.

В юридической литературе этот факт давно отмечен многими исследователями²⁾ и является бесспорным.

Новейшая Германская конституция представляет яркое подтверждение этой эволюции федеративного государства. Военное поражение и последовавшая затем революция и обострившаяся социальная борьба в Германии, не только не разорвали объединенные в федерацию Германские государства, но, напротив, современная конституция настолько расширила, особенно в сфере экономического управления, пределы и полномочия общегосударственной власти на счет и в отношении частей (которые теперь даже именуются в конституции не государствами, как ранее, а землями, областями), что можно было бы признать эти области лишь самоуправляющимися провинциями Германской республики, если бы они не сохранили права самостоятельно устанавливать свои конституции (с соблюдением лишь демократических форм), т. е. самопроизводного властвования.

Германия осталась федеративным государством, но с огромным приближением к унитарному государству. Этот сдвиг к унитаризму доказывает и ст. 18 Германской конституции 1919 г. В отличие от конституции 1871 г., действующая конституция 1919 г. исходит при определении территориального деления Германии не из факта федеративного объединения исторически установившихся государств, членов федерации, но из принципа, что «деление государства на области должно иметь целью максимальное использование хозяйственных и культурных сил народа и должно по возможности сообразоваться с волей населения». Территориальные изменения в пределах имеющих областей и создание новых областей в пределах Германии совершается посредством общего государственного закона, изменяю-

¹⁾ См. напр. Barthélemy. Le pouvoir exécutif dans les républiques modernes. С. Лоу. Государственный строй Англии.

²⁾ См., между прочим, замечания б. президента С.-А. С. Ш. Вильсона: „Государство“, 1965 г. стр. 506.

щего конституцию, а при согласии на эти изменения заинтересованных областей или в случае, если это изменение вызывается общегосударственными интересами, достаточно даже обыкновенного общегосударственного закона.

Одним из наиболее своеобразных нововведений в конституционном строительстве является ряд постановлений современной Германской конституции, определяющих начала хозяйственной жизни и санкционирующих широкое вмешательство общегосударственной германской власти в область экономических отношений. Весь раздел 5 конституции посвящен хозяйственной жизни. «Строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости, имея своей целью гарантировать всем достойное человеческое существование. В этих пределах надлежит обеспечить хозяйственную свободу отдельной личности. Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, коим угрожает опасность, или ради высших требований общегосударственного блага» (ст. 151).

Объявляя далее, что «собственность обеспечивается конституцией, содержание и предел ее вытекают из законов», и что «собственность обязывает и потому пользование ею должно быть в то же время служением общему благу», устанавливая свободу непротивных добрым нравам договоров, свободу торговли и промысла в пределах, установленных гражданским правом, конституция ставит однако распределение земли и пользование ею под наблюдение государства, «дабы предупредить злоупотребления и поставить целью обеспечение каждому германскому гражданину здорового жилища и всем германским семьям, в особенности многодетным, обеспечить очаг и место для работы, соответствующее их потребностям». Обработка и использование почвы является обязанностью земледельца по отношению к обществу. Прирост ценности земли, возникающий без затраты труда или капитала на земельные участки, должен быть обращен на пользу общества. Частные регалии должны быть переданы государству. Принудительное отчуждение в целях общественного блага и на законном основании может быть произведено на основе справедливого вознаграждения. Недвижимое имущество, приобретение которого необходимо для удовлетворения потребности в жилье, для содействия поселенческому делу, для первоначальной хозяйственной обработки и для под'ема сельского хозяйства, может быть принудительно отчуждено.

Конституция распространяет право законодательства общегосударственной власти на обобществление естественных богатств и хозяйственных предприятий, на добычу, производство, распределение и расценку экономических благ, предназначенных для общественного хозяйства, на регулирование обращения продуктов питания и продовольствия, равно и предметов повседневного обихода; предоставляет затем общегосударственной власти, областям и общинам право участвовать в управлении хозяйственными предприятиями и обществами или каким-либо другим способом обеспечивать себе решающее влияние в этом управлении.

Далее, общегосударственная власть, в случае крайней надобности, может объединять в законодательном порядке в целях общественного хозяйства хозяйственные предприятия и общества на основе самоуправления, имея целью обеспечить сотрудничество всех производительных слоев населения, привлекать и работодателей и рабочих к участию в администрации и регулировать сообразно общественно-хозяйственным принципам производство, выделку, распределение, использование, расценку, а также ввоз и вывоз хозяйственных благ.

Производительные и потребительные кооперативы, а также их объединения должны быть, по их требованию, включаемы в общественно-хозяйственную организацию (ст. 156).

Конституция декларирует, что «рабочая сила пользуется специальным покровительством общегосударственной власти. Общегосударственная власть вырабатывает единообразное рабочее право. Государство организует страхование на широких началах и будет отстаивать международное урегулирование правового положения рабочих с тем, чтобы «для трудящегося класса всего человечества был установлен общий минимум социальных прав». (Ст. 161, 162).

«Каждому германскому гражданину должна быть предоставлена возможность сыскивать себе пропитание производительным трудом. Поскольку ему не может быть указан надлежащий труд, он должен получить необходимую поддержку».

Но, декларируя в этих общих формулах обязанности государства по отношению к рабочему классу, германская конституция подчеркивает свое особое покровительство среднему классу в государстве. «Самостоятельное среднее сословие в сельском хозяйстве, промысле и торговле должно пользоваться поощрением в законодательстве и в администрации и должно быть защищено от переобременения и поглощения» (ст. 164).

Рабочие и служащие призываются конституцией на равных правах совместно с предпринимателями участвовать в установлении условий заработка и труда, а также в общем экономическом развитии производительных сил. Организации предпринимателей и рабочих и их соглашения пользуются признанием государства (ст. 165).

Устанавливая таким образом рамки существующего общественного строя, основанного на признании права частной собственности и свободы договоров, германская конституция в то же время формально санкционирует начала и так называемого «государственного социализма».

Для защиты же профессиональных интересов конституция вводит в систему общегосударственных органов представительство профессиональных интересов. Рабочие и служащие получают для защиты своих социальных и экономических интересов законное представительство в виде Рабочих Советов для отдельных хозяйственных областей и Общегосударственного (Имперского) Рабочего Совета для всей республики. Окружные Рабочие Советы и Общегосударственный Рабочий Совет объединяются для хозяйственных задач и содействия при применении законов о социализации с представительными органами предпринимателей и прочих заинтересованных кругов населения, образуя Окружные Хозяйственные Советы и Общегосударственный (Имперский) Хозяйственный Совет. Эти последние Советы должны быть организованы так, чтобы все важные профессиональные группы были в них представлены, сообразно их хозяйственному и социальному значению. Рабочим и Хозяйственным Советам могут быть предоставлены в сфере их компетенции контрольные и административные права. Организация всех этих Советов и их отношения к другим социальным самоуправляющимся корпорациям устанавливаются исключительно общегосударственной властью. Но Общегосударственный Хозяйственный Совет, являющийся, как указано, общим представительным органом для различных профессиональных групп в государстве, в то же время имеет по конституции определенное государственно-правовое значение. Законопроекты социально-политического и хозяйственно-политического характера должны быть, до внесения

их в Рейхстаг, представляемы правительством на заключение Общегосударственного Хозяйственного Совета. Общегосударственный Хозяйственный Совет имеет право сам предлагать такие законопроекты. Если общегосударственное правительство их не одобряет, оно все-таки обязано внести проект в Рейхстаг с изложением своей точки зрения. Общегосударственный Хозяйственный Совет может защищать в Рейхстаге проект через посредство одного из своих членов (ст. 165 Герм. Конституц.).

Таким образом германская конституция пытается разрешить, в рамках существующего социального строя, проблему сочетания в организации государственной власти принципа классового и профессионального представительства с принципом народного единства и народного суверенитета, и для этого она в известной степени вливает юридическое представительство профессиональных интересов в народное представительство, возвышая однако последнее над первым в виде решающей воли Германского Рейхстага, избранного на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права по системе пропорциональных выборов.

Вся социальная и политическая жизнь современных народов находится в настоящее время в сильнейшем движении, и мы могли отметить здесь лишь наиболее яркие черты государственной статистики новейшего времени, насколько они нашли свое выражение и закрепились в конституционных актах.

Н. Палиенко.

Очерки литературной методологии.

Вопросы эстетики и современность.

Революционные потрясения неизменно ставят на очередь вопросы не только из области общественных взаимоотношений, но науки и искусства. Происходит пересмотр прежних верований и упований, происходит подведение итогов в отдельных областях общественной жизни и переоценка ценностей, на разрешение ставятся проблемы нового строительства и новой веры. Это—закон истории, с железной необходимостью в бурные периоды столкновений общественных противоречий выявляющий с наибольшей яркостью идеологию и чаяния отдельных социальных групп.

Эти чаяния отображаются не в одной только политической борьбе, не в одних только общественных науках, но и в области искусства: в его практике и теории.

В самом деле, возьмем ли историю Франции на протяжении XVIII века или историю России на протяжении XIX-го,—езде картина одинакова. Для иллюстрации укажем на процесс развития живописи в наиболее яркие эпохи общественной жизни Франции. Батальные картины Ле-Брэна, изящная чувственность в живописи Бушэ, домашние добродетели у Греза, революционная живопись Давида, романтика Жерико изображают духовную историю общества, род его идей, вызываемый к жизни историей классов и борьбы их друг с другом. Ле-Брэн—сын сословной монархии Людовика XIV, законодатель художественного вкуса французских салонов, отображал батальную славу монархии, приписывая ее королю, занимающему неизменно на его воинственных картинах центральное место. Но «король-солнце»